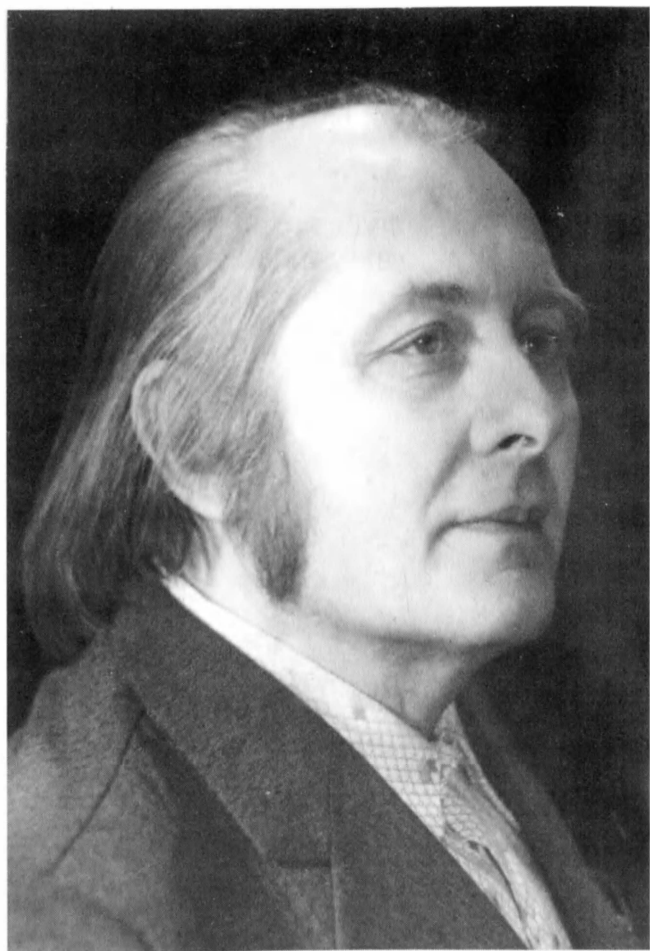

АРВО МЕТС

В ОСЕННИХ ЛЕСАХ

русский верлибр

РУССКИЙ ВЕРЛИБР

АРВО МЕТС

В осенних лесах

Стихи, переводы, статьи

Москва 2006

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М 54

Составитель и редактор *Н. Метс*
оформление *Ф. Домогацкого*
фотографии *Антони Метс*

Метс А.
М 54 В осенних лесах : стихи, переводы, статьи /
Арво Метс ; [сост. и ред. Н. Метс ; оформ.
Ф. Домогацкого]. — М., 2006. — 288 с. — (Рус-
ский верлибр).
ISBN 5-7493-1063-7

В книгу мастера верлибра поэта Арво Метса входят подготовленные автором собственные стихотворения и переводы эстонских поэтов, его неизданные стихи, избранные статьи.

ISBN 5-7493-1063-7

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Арво Метс, 2006

Судьба русского поэта

Это замечательно, когда мы можем говорить не о пресловутых «жизни и творчестве», а о судьбе. Есть люди жизни, есть люди судьбы. Второе редкость, хотя бы потому, что судьба ведет тех, в ком подлинность – «и от судеб защиты нет». Слово «судьба» происходит от выражения «суд Божий». Этим все сказано.

Судьба – это предопределение и удивление:

Я и сам не знаю,
Как меня,
Парня из эстонской глуши,
Настигла судьба
Русского поэта.

Ноябрь 1970-го года. Страшно подумать, что наш век оказался прошлым веком! Сырые и холодные дни. Я приехал в Москву на вступительные экзамены в аспирантуру Литературного института имени Горького. Приехал из Твери, тогда Калинина. Институт, его таинственность, его чудное расположение на Тверском бульваре, вся цепь «былого и

дум», сопряженная с этим пространством, внушали мне восхищение и ужас, что обычно случается с провинциалом в столице. Я никого не знал в прославленном заведении, пугался его углов, коридоров, аудиторий, но более всего обитателей., старших и младших; великих теней, его населявших. К тому же надо было сдавать экзамены перед именитой комиссией. Одним словом, страх и трепет. Тогда мне и в голову не могло прийти, что отныне и на долгие-долгие годы, на треть века моя жизнь будет безраздельно принадлежать институту.

Несколько молодых людей, вместе с которыми я проходил эти вступительные испытания, вели себя свободно, весело, просто по-свойски. Они были выпускниками института, начинающими поэтами, прозаиками, переводчиками, критиками, я бы сказал, литинститутовцами по происхождению. Они прошли учебный и творческий курс института, курс коридоров, застолий, бесед, споров, всей той особенной жизни, которая невидимо клубится в пределах бывшей городской усадьбы с адресом — Тверской бульвар, 25.

Я завидовал этим людям, смотрел на всех снизу вверх. Один из них, несуетный молодой человек, растерянно-деликатный, исполненный печальной скромности, привлекал меня. В его походке, повадках, лице угадывалось нечто «скандинавско-прибал-

тийское». А в мягкой неторопливости, отдельности — живущий возле моря хозяин хутора, мызы, пастор сельской кирхи.

Это был Арво Метс.

Эстония моя,
маленькая,
за буреломами,
за разливами рек.
Вот-вот отколется
и уплывет
вдаль.

Мы поступили в аспирантуру, я на кафедру советской литературы, Арво — на кафедру художественного перевода. Его влекли тайны русского верлибра. Занимался он этим глубоко и основательно. Ныне Метса почитают классиком верлибра, хотя для многих верлибр нечто чужеродное в русской поэзии и больше годится для переводов японской или китайской классической поэзии, новейшей европейской лирики. Я не хочу вдаваться в досужие и цеховые вопросы. С первых дней знакомства для меня было совершенно ясно, что Арво Метс — «поэт по национальности», «поэт Божией милостью», как говорили в старину. Чистейшее воплощение лирика. Было в нем что-то хлебниковское («упал с облака»). И в этом «падении» он узрел пеструю восхи-

тельность мира, власть подробностей, музыку целого и силу лёта. Волшебное изящество в изображении природы, состояния души соседствует у Метса с откровениями мудреца, провидца:

Пути цивилизации –
от Нагорной проповеди
к Нагорному Карабаху.

Это не игра слов. Это – столкновение смыслов.
А так узреть кошмар и кровавое наваждение 91-93-х годов, их фальшь и жестокость:

Воздух
все густеет
и превращается в свинец.

Довольно долгое время после аспирантуры мы встречались редко, но родство сохранялось. Шел между нами невидимый, «мысленный» разговор. Как водится на Руси – о самом главном, конечно. Мы начинали стареть и уставать от забот, бед, чуши. Арво был весь в предчувствиях:

Народ наш
сфинкс
многомиллионноголовый...
Какие еще тяжести
выдюжишь ты

на своих плечах?
От какой соломинки
лопнет твоё терпение?
И опять будут
реки крови?

Те времена, впрочем, как и нынешние, развели многих, некогда близких людей. Неизбежность «разрывов» окружала и изнуряла нас. И было радостно видеть и чувствовать Арво родным и близким во всем.

Не смотря ни на что, он умудрился остаться поэтом. Его стихи, сохранив ошеломляющую наивность, обрели твердую содержательную многоликость. Вот лишь две, так сказать, «экзистенциальные» — лирические пьесы, вещие, историософские. Рисунок их прост, а пронизывающая музыка — поразительна.

Мой дед
сам сколотил
себе
такой хороший,
пахнувший смолой
гроб.
Я увидел его
на чердаке
в снопе солнечных лучей,
когда был маленьким.

И другое:

Незадолго до кончины
отец,
превозмогая боль,
тщательно расставил
дрова в сарае.

... Последнее,
что он успел сделать
для гармонии мира.

Нужно ли доказывать, что это поэзия? Вот почему в предисловии к своей последней книге «В осенних лесах» (1997) Арво написал: «В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого все здание будет построено на песке».

Свой дом он построил на вольном просторе. Я верю и знаю, что это он написал о себе, о милой домашней вечности, где душа поэта:

...вновь узрит
лазурность
и необъятность
небосвода
Руси.

Владимир Смирнов

Стихотворения

«*В осенних лесах*»

Первая тетрадь.
Лирика

1962 — 1964

Комсомольск-на-Амуре — Пяни

1965 — 1986

Москва

1990 — 1992

Москва. Годовые кольца

1992 — 1996

В осенних лесах

1962 — 1964
Комсомольск-на-Амуре — Пярну

ПОД ОКНОМ

Нет огня.
Ты спишь.
Или не спишь...
Утром следов не найдешь.
Остались под снегом.

ЗАБЫТАЯ ДВЕРЬ

Понури́в голову,
стоит дверь,
в которую никто не стучится.
Лю́бят стучать в бронзовую дверь.
Лю́бят стучать в резную дверь.
Сокровище
пылится за забытой дверью.

* * *

Тихо стрекочут часы.
Мы вдвоем.
Я
и твои огромные глаза.

Мы встали в длинную очередь
за счастьем.

ВЕСНА ПОЭТА

Лижу мороженое.
Хорошо, если лижу.
Значит, пришла весна.

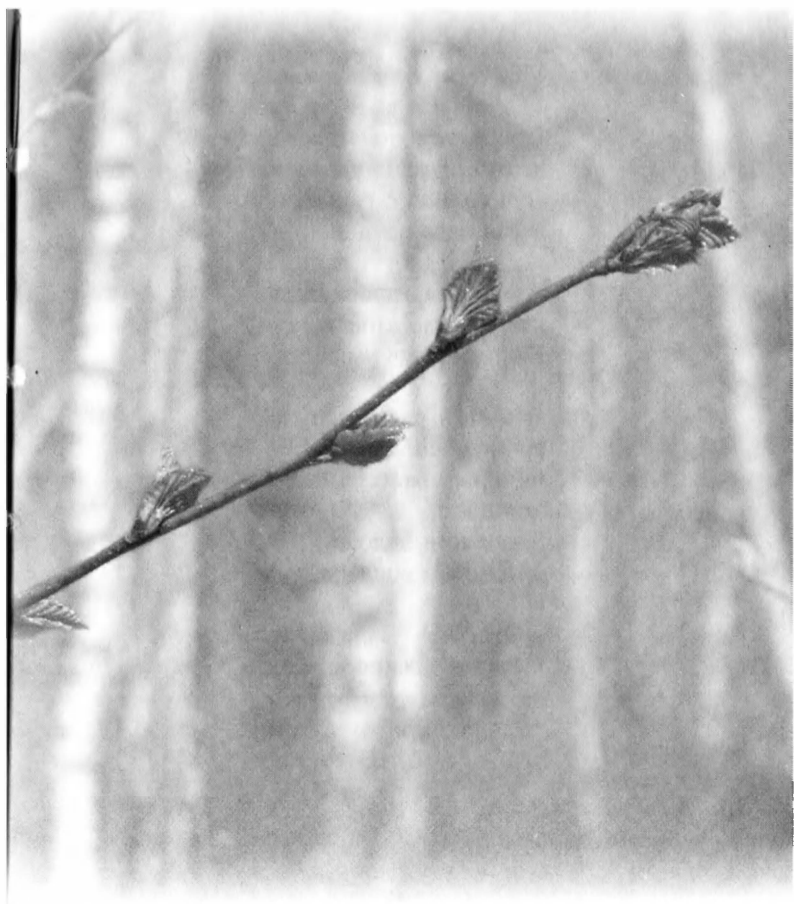
Смотрю на девушек.
Наши взгляды фехтуют.
Побеждаю всех.

Смотрю на золотые ноги.
Я не виноват,
ноги так красивые.

Лижу мороженое.
Нос урчит, как гармонь.
Макушка касается неба.

* * *

Ливень солнца!
Одуванчики —
лужицы на траве.
Пчела
сосет солнце,
как поросенок,
ногами в золотой пыльце.

УТРО

Проснулся —
кто-то шуршит на стене.
Луч солнца с рыжей головой
бегал вверх и вниз.

Второй раз проснулся —
кто-то тихо стонет.
Бледный луч угасал.

В третий раз проснулся —
громкое солнце
подпрыгивало на столе,
хохотало,
хлопало в ладоши.
- Вставай, соня!

- Отстань! — сказал я. —
Сегодня воскресенье.

* * *

Больше всего
люблю тебя босую.
Рыжую от солнца,
как медный таз.

Ты пропахла
водой,
синим простором,
веслами,
протекающей старой лодкой.

* * *

По улице идет женщина —
круглая,
прозрачная,
как антоновка.
Она несет в себе человека.
Счастливы женщины,
носящие в себе будущее!

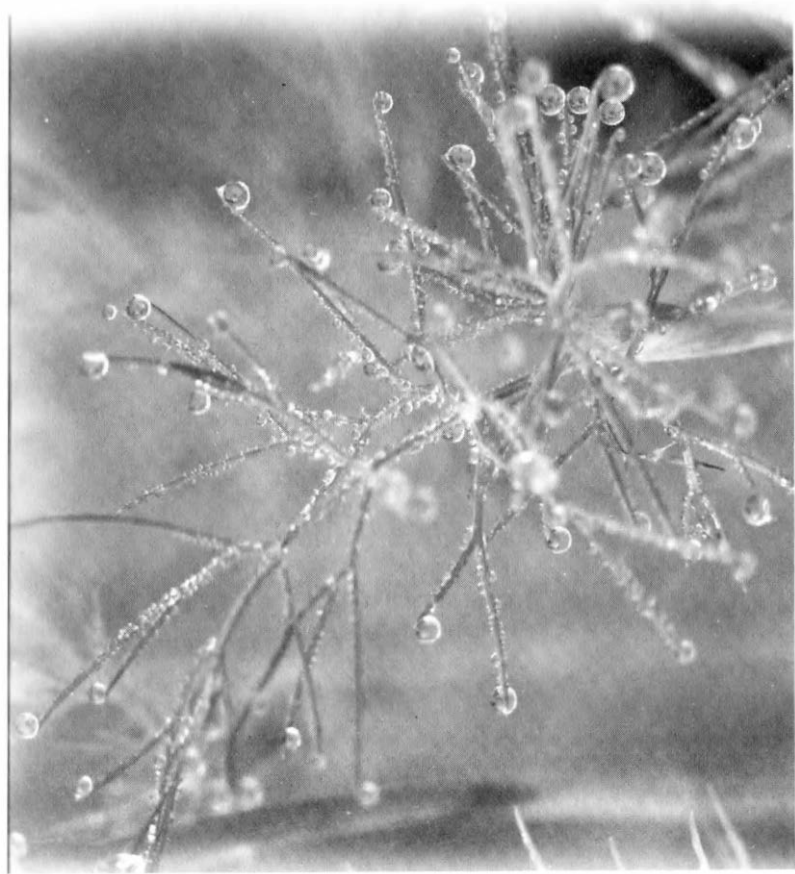
* * *

Люблю прижаться
к шершавой земле.
Травинки шумят, как дремучие леса.
Бродят путешественники-муравьи.
Давно улетела в небо
последняя капля росы.
Учусь смотреть
глазами земли.

* * *

Я не могу смотреть,
когда кондуктор, как нищий,
протягивает руку за копейкой.
И даже столовая самообслуживания
вся в перегородках.
В четыре гудит гудок.
Вот идут большие руки — без головы.
Вот голова —
без рук.

1962

* * *

Тихо уснули сопки.
Росинки отражают
звездный свет.
Темные листья
начинают песню ночи.
Пахнут
будущие грибы.

* * *

На тебе играет листва.
Солнечные лучи
перебирают пальцами.
И трогают
разные голоса.
Трепещешь от прикосновений.
А музыку слышат
только мои глаза.

* * *

Вечерами девушки
шли на танцплощадку,
перепрыгивая через канавы,
туфельки бережно неся
в ладонях,
словно капельки счастья.

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

Легко ранить
звуком баяна,
уголком желтого листа.

* * *

Как сладко
превращаться в пух...
Стать легким,
как ненаписанный стих.
Светлые линии,
орнаменты,
пятна.
Когда прилетает жар-птица,
я уже сплю.

* * *

Люблю уплывать в темноту...
Никто не увидит
грустные глаза.
Никто не смеется
над костюмом
Чарли Чаплина.
Вернусь, разложу
белый лист на столе.
Так живу —
как чудище
из «Аленького цветочка».

* * *

Страшно, когда на дереве
два листа...

Тепло уходит в ствол,
как покойник,
опускается в корни.
У тепла спина в сырости.

Вот так и падают листья...

* * *

Я слышал
тяжелое дыхание
за дверью.
Открыл —
и нашел пьяного парня.
Лежал как труп.
В остроносых ботинках.
Рядом рвота,
как мясо кеты.

С тех пор
часто слышу

тяжелое дыхание
за дверью.
Открываю —
никого нет.
Но я знаю —
парень
лежит где-то
и стонет сквозь сон.

Комсомольск-на-Амуре, 1962

* * *

Безденежный человек
ходит по городу.
Туманные звезды
дрожат на морозе.

Безденежный человек —
безрукий человек,
безногий человек,
безглазый человек.

В городе зажигаются огни,
и все видят —
у безденежного человека
голубые глаза.

Это не помогает.

* * *

Кто-то прядет
внутри котенка.
- Нур-нур, нур-нур, нур-нур.
Иногда засыпает.
Смотрит в окно.

Снежинки летят...

* * *

Поезд заорал, как маленький ослик.
Тихонько стал ступать.
Три серебристые елочки на стекле.

* * *

Из-за туч
выходит луна.
Земля полна звона.
В такую ночь
распускаются
ледяные розы.

* * *

Девушки ткут голосами
звонкую пряжу.
Песня замирает,
если чьи-то шаги
приближаются к двери.
Девушки поют,
заманивают к себе.

* * *

Желтый лист
плывет
мимо моего лица.
Что-то говорит.
Что-то поет.
И даже
упрекает в чем-то.

* * *

Синий и белый февраль...
Я не знаю сам,
почему иду к березе
и смотрю вверх,
в небо.
Стою и стою...

В ЦЕХЕ

Хочу увидеть...
Только в мыслях можно увидеть,
как из металла,
солидола и ругани
встают гриновские города.

Хочу обнять красоту-
и никак не могу.
Между трудом и красотой
десять превращений.

* * *

Утро рабочего дня
не спрашивает о желаниях.
Железной рукой
поднимаю себя с постели.
В ночи идут черные тени.
От метели слипаются веки.
Но ни в какой метели
не заносит заводскую дорогу.
В ночи непрерывно идут
черные тени.

* * *

Человек встает у кассы.
Ищет что-то в кармане.
Протягивает в узенькую щелочку.

Мы живем на Луне.
Деньги — наш кислород,
отпущенный нам в баллонах.

В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Девушки особенно земные,
когда они сидят
в чулках,
а туфельки,
словно футляры скрипок,
рядом лежат
на боку.

* * *

В голубой коляске
лежит он
с соской.
В тихих глазах
отражаются небо
и птицы,
плывущие высоко.
Наклонившись,
я вдруг увидел
самого себя —
в стареньком пальто.

* * *

Поэт стоит в очереди за вермишелью.
Здесь же и его почитательницы.
Поэту немного стыдно.
Он стоял на эстраде,
словно маленький принц,
который никогда не ест.

* * *

Молодые девушки
похожи лицом
на небо,
на ветер,
на облака.
Потом из них получают
верные жены,
лица которых похожи
на дома,
на мебель,
на хозяйственные сумки.
Но их дочери
вновь похожи лицом
на небо, ветер
и весенние ручейки.

* * *

Я помню из детства
запах земли...
Помню, как я полол,
руки словно в перчатках
из меха крота.
Положил бы мне кто-нибудь
на щеку
такую руку...

* * *

Памяти Эрны
(отрывок)

Трудиться.
Порой улыбаться.
Выйти замуж и рожать детей.
Посылать их, как письма, в будущее.
И превратиться снова в землю.
В жизни таится некий упорный смысл,
который и я ищу.

* * *

Мне бы нести с собой
дали,
соленый воздух,
запах кедров,
чтобы у выросших
среди городских камней
бледных девушек
перехватило дыхание
в их изысканных
нарядах.
Глядели бы, как очарованные,
когда я иду.
Где я все это возьму?
Я сам бледнее их.

1965 — 1986.

Москва.

НА ЭСКАЛАТОРЕ

Людам не на что смотреть,
и они глядят вперед —
будто в вечность.
Сосредоточенные лица,
свободные от мелочей.
Так изобразят нас
на мозаиках будущего.
А мы —
мы сходим с лестницы
и становимся опять людьми.

* * *

Дома, трамваи.
Магазины, кастрюли.
Хожу среди них,
как марсианин
среди памятников
непонятной цивилизации,
поставленной наспех
для первых потребностей.
...А где-то внутри
по тихим углам —
кристаллы музыки.

* * *

После поэтов,
не любящих простоты,
я хочу — к ее истокам.
Хочу домой,
где отец — садовник
и собирает книги.
Мать моя все полнеет
и задыхается —
будто несет на себе
меня, мою поэзию,
запутанную жизнь и поиски.

* * *

Весь день
я искал одиночества,
чтобы слушать тебя.

Ты гудишь во мне,
как орган
в высокой церкви.

* * *

В огромном городе
столько красивых девушек...
Любуюсь ими без устали.
Иногда улыбаются мне.
И я вполне счастлив.
И только к вечеру замечаю,
что остался один.

* * *

Личность мгновенна
на улицах города —
подобно вспышке магния.

* * *

Здесь поют городские соловьи —
визжат пронзительно тормоза.
И люди бегут на светофоры,
как футболисты
за мячом.

* * *

Я — дух созерцания.
А где-то ходит по земле
дух действия
и делает все
без меня.
Мы — два великих духа —
тоскуем от неполноты.
В разделенном мире
многие вещи
ищут друг друга.

* * *

Могилы сровняются с землей.
Когда-нибудь будем седой древностью.

Кто-то спасет наше лицо,
соберет соль слез,
золотую пыль улыбок.

Я не тот, кого мир ждет,
но помогаю ему
открывать свинцовые двери.

* * *

Вечный двигатель...
Вот он изобретен —
вагон метро
кольцевой линии.
Входят новые люди.
И выходят.
А ты сидишь,
как древний мудрец,
усмехаясь в бороду.
Потому что видишь,
как исчезают
поколения.

* * *

Я не умею почти ничего.
Горько прийти так
к тридцати годам.
Без меня растет хлеб.
Без меня гудит завод.
Без меня рождаются дети.
Я связан со всем
через хрупкую оболочку слова,
которая в любую минуту
может порваться.

* * *

Мигом
обходят в очереди,
если я
задумываюсь о чем-то.
Мысли мои
в туманности Андромеды.
А на деле
стою здесь
за хлебом.

* * *

Девушки
гораздо тоньше поэтов...
Я чувствую
бедность свою,
когда ты вдруг
сидишь и молчишь,
в глазах большие
испуганные тени.

* * *

Гудение пчел
заставляет звенеть
цветы,
затем деревья
и, наконец,
весь наш сад вокруг.

Неведомая струна
задела
и во мне.

* * *

Мы с тобой
песочные часы.
Я прибываю —
ты убываешь.
Я уже не прибываю —
ты все убываешь.

* * *

Мой дед
сам сколотил
себе
такой хороший,
пахнувший смолой
гроб.
Я увидел его
на чердаке
в снопе солнечных лучей,
когда был маленьким.

ТАЛЛИННСКИЕ КАМНИ

Безымянным строителям церкви Олевисте

Когда здесь ходят,
эти камни
гулко молчат.
Мечты и стоны людей
замурованы в них.
Эти камни —
кляп во рту
у веков.
Но руки свободны.
И человек творил.

Мечты и силы
собраны в фокус,
чтобы уйти
из плена вещей.
Острые шпильки
подымались к небу,
предчувствуя смутно
стройность ракет.
Но горячего не было.
И под сводами
прозвучал хорал.

Это люди,
честно перешедшие
в камень,
потому что так
приказала эпоха.
Их не видно.
Но они есть.

* * *

Озабоченный человек
ходит взад и вперед
по половице —
словно кто-то
запер его
на ключ.

* * *

Стипендия в кармане,
и я не спешу
истратить ее.
Весь вечер
передо мной
волшебный край возможного.
Весь город в огнях
на моей ладони.
По три копейки
пью газировку.

* * *

Я не знаю,
кто ты...
Случай или подарок?
Или плата за ожидание?
Есть ли в мире такая плата?
я ничего не знаю.

* * *

Я влюблен
в красоту
простых вещей,
которые тихо горят,
как рябина
в осеннем саду.
В молодости
мы мчимся
мимо них.
И только потом
открываем
настоящих друзей.

* * *

Хочу смыть красоту твою,
как делает время,
чтобы добраться
до сути твоей,
чисто обыденной.
В глубоком раздумье
мне удастся
тебя разделить.
Как только появляешься —
ты прекрасна.

ТВОИ ВОЛОСЫ

Когда распускаешь волосы,
вдруг исчезаешь за ними
и ускользаешь куда-то,
куда мужчине нет доступа.
Там ты, наверно, и заклинаешь,
чтобы мне было хорошо.

* * *

Как я чувствую естественность...
И как я далек от нее...
Десятки связей порвались
между взглядом и словом,
словом и делом,
желанием и исполнением.

* * *

Куда я вас приглашу?
В келью мою,
полную книг?
Где на бумаге
столько происходит.
Где на деле
ничего не произошло.

* * *

Как три года назад:
воробьи чирикают
в моей подошве,
когда я иду
по лужам
и по листьям.

* * *

Люди, углубляясь
в темные туннели
декабря,
становятся
все собранней.
Боятся, наверно,
навсегда там остаться.

* * *

Исчезаю в весне,
в толпе,
в лужах,
в синеве.
И не ищите.
Мне так хорошо...

* * *

Как ласточки
на проводах,
они сидят
на балконах —
маляры,
штукатурщицы.
Как воробьи,
заглядывают
ко мне
в окно.
Отчего
так поздно
просыпаюсь?
Отчего
весь день
окружен книгами?
Часами сидят
И все-таки
дом встает.

* * *

А не стать ли мне
водителем троллейбуса?
Вместо названий остановок
я буду читать
свои стихи.

* * *

Когда я иду,
как старый Рембрандт,
кто подозревает
во мне
поэта?
Рвется подкладка пальто.
Рвется судьба.
Я бы мог запросто
так жить,
если бы не было
красивых девушек.

* * *

Этот странный обычай
присваивать людям имена
(или иногда номера)...
Без имени я уйду.
Без имени разве найдут.

1967

* * *

Незримый,
разъяренный зверь
рычит в темноте
ночных аэродромов.

Это время
требует властно
нашей плоти,
крови и нервов.

* * *

В поисках поэзии
я забрел в этот город,
где ее нет и в помине.

Четыре узбека
снимают ботинки,
и в комнате вонь
наподобие удушливого газа.

...Но я прошел
и сквозь запах роз
на центральном базаре.

1967

* * *

Бухарские аисты,
добрые аисты
над базаром
и чайханой.
Я пью чай,
а значит,
и надо мной
белые-белые
добрые аисты.

* * *

Посидев на коврах,
потянув
пиалу за пиалой,
конечно же, не побежишь
изобретать ракету.

Но зато
погрузишься в дремоту,
невзначай
прикоснешься к вечности.

1967

* * *

Моторы.
собранные нами,
были все
на одно лицо.

Не отличить
работу уголовника
от работы
поэта.

* * *

Вхожу в Эстонию
с опаской,
словно в море,
от которого долго
был вдалеке.
О чудо! —
волны подхватывают меня.

* * *

Доверяю тебе,
как чистейшему звуку,
свою мечту.
И судьбу,
которую иногда
устаю нести.
Тебе единственной.

* * *

Троллейбусы,
как кони,
спят на ногах.

Уединенная улочка
сновидений троллейбусов.

Дорога к тебе.

* * *

Храню вас
в разных уголках
своей памяти.
Дай бог,
чтобы вы
не встретились.

* * *

Бездомная собака
приноравливается к ходьбе.
Делает вид,
будто идет
на невидимом поводке.

Человек отворачивается.
И она постепенно
отстает.

* * *

На пустыре
то и дело
возникают отрешенные фигуры
гуляющих с собаками.

Спасибо вам, псы,
выволакивающие нас
из суеты.

* * *

Никогда при жизни
он не важничал так,
мой скромный,
незаметный отец,
как лежа в гробу.
У него, согбенного,
обнаружился
орлиный профиль,
схожий с теми,
какие обычно
чеканят на монетах.

* * *

Далеко,
как в опрокинутом бинокле,
живет моя мама
в деревянном доме.
Возвращается вечером
в холодную комнату,
привычно пошарив рукой
в пустом почтовом ящике.

* * *

Вешая пеленки
на балконе,
вдруг останавливаешься,
ошеломленный мирозданием.

У кончиков пальцев
мерцает звезда.

* * *

Н.М.

Вот уже кончается
мой ледниковый период.

А ты скажи,
легко ли тебе
было дыханием
растопить
мои айсберги?

* * *

В июльских травах
еле мелькают
наши головы.

И звонко хохочет
мой малыш.

* * *

Золотое облачко
поплыло
мимо окна.

Засветлили
все стены комнаты.

На крылечке —
женушка моя.

* * *

Где взять
столько счастья
для всех людей,
заполняющих
площади города?

В глазах
у каждого
бабочкой
между оконными рамами
бьется душа.

* * *

Я добрый,
но такого
живо слопают.

И вот свою
бульдोजью хватку
я вывожу гулять
на поводке.

Пес грациозно
поднимает лапу,
как скрипач смычок —
вот-вот польются
дивно звуки...

Мой пес,
с тобой
я полнокровный современник
зубаст,
мордаст,
клыкаст.

1990 — 1992

Москва.

Годовые кольца.

* * *

Толпой,
с перекошенными лицами,
работая локтями,
ринутись все
приобщиться
к злобе дня.

Как каторжник
к тачке,
мы цепью прикованы
к злобе времени.

* * *

Чудеса перестройки.
да и только...
Бессловесные рабы
во мгновение ока
превратились
в крикливых хамов.

•
* * *

Аж накалилась
от злобы
крапива.
Нет-нет,
да прожжет
насквозь...

Но как она
младенчески невинна
перед алчной,
сатанинской,
бессмертной
злобой
людской!

* * *

Сиротливо чернеют
ребра купола.
На колокольне
покосившийся крест.
А внизу между тем
жизнь идет своим чередом.
Мальчишки играют в войну.
Пастух, матюгаясь,
щелкает кнутом.
Бабы с мешками
спешат в сельмаг за хлебом.
На скособоченной —
но в другую сторону —
доске объявлений
афиша кино:
«Интердевочка».

ДВЕ СТАРУШКИ

Одна как клещ
впивается в тело,
сосет кровь.

А другая
весела, легка
как солнечный лучик.

* * *

Страшнейшая из осад —
осада нищеты.
Гнилые нити
рвутся вокруг
как шрапнель.
И кажется —
само время
прогнило
и вот-вот порвется.

* * *

Заботами
заслонили от нас
небо.

МОЛИТВА

Дай, Бог, сил
противиться злу.
Защитить малых детей.
милую жену.

* * *

Маленькое перышко
спускается с неба.
А птицы не видно.

* * *

Эстония моя,
маленькая,
за буреломами,
за разливами рек.

Вот-вот отколется
и уплывет
вдаль.

1990

* * *

Не капли дождя,
а капли света
на потемневших ветвях
яблони
в пору затяжных
осенних дождей.

* * *

А много ли
человеку нужно?
Краюха хлеба.
Кружка молока.
И светлый луч
над головой.

* * *

Где вы,
мои безмятежные годы...

Читаю стихи
Дельвига,
чистые
как поцелуй ребенка.

* * *

Народ наш —
сфинкс
многомиллионноголовый...
Какие еще тяжести
выдюжишь ты
на своих плечах?
От какой соломинки
Лопнет твое терпение?
И опять будут
реки крови?

* * *

Цивилизация,
возведенная
на липкой крови,
на предсмертных хрипах
животных
на бойне,
сама
время от времени
скатывается
к бойне.

* * *

Даже и мне
было немного не по себе,
когда двое с ружьями
и с собакой
начали медленно приближаться.

Но каково
диким уткам?

* * *

Какие крупные здесь звезды...
И какие они живые...
Таинственный неба чертеж
начинает с тобой говорить,
но язык его, увы,
племя человеческое забыло.

* * *

Воздух наполнен
золотым отсветом
осенней листвы.

Кажется даже —
где-то невдалеке
купола храма.

ОСЕНЬ

Березы,
как тоненькие свечи,
загорелись за полем.

* * *

Годовые кольца
все большее
врезаются в душу.

* * *

Страна
бесконечных очередей,
которые, как змеи Лаокоона,
обвили нам
руки и ноги
и давят
на горло...

* * *

Ржавая кольчуга
Дон Кихота
заставляет
прямо держаться.

Не дает
от усталости
упасть.

* * *

После ваших подлостей
вы навсегда отлучены
от наших улыбок.

* * *

Умею ли я
ценить
каждый миг
счастья
быть с тобой
и с детишками?

* * *

Копать землю,
устав,
поднять голову
и замереть
перед красотой
золотой березы —
в этом, вероятно, и есть
предназначение человека.

* * *

Рублевская синь —
просвет
в темных тучах.

Душа
вновь узрит
лазурность
и необъятность
небосвода
Руси.

* * *

Налетел вихрь
и осыпал нас
золотой метелью листопада.

* * *

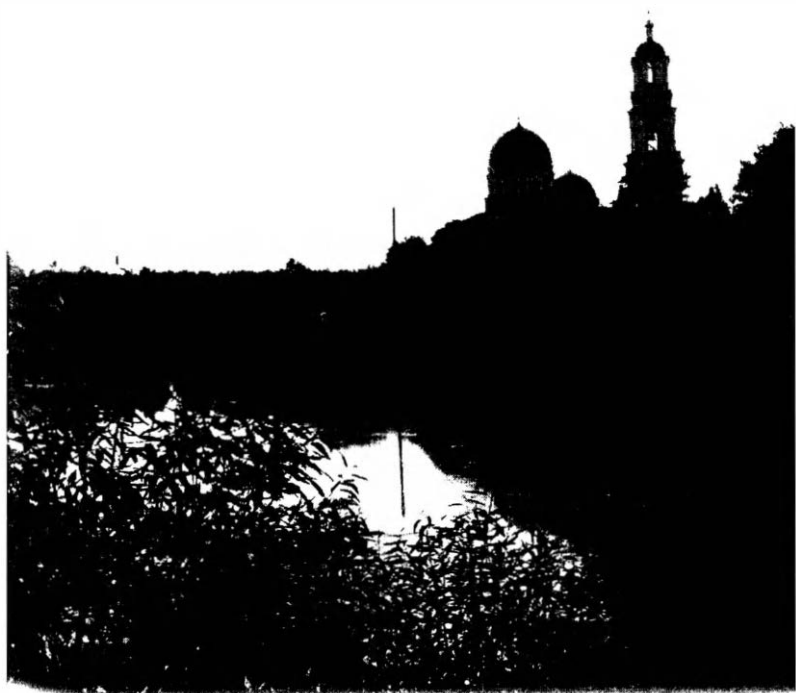
А говорят —
золотой век...

Тютчев спасся
только потому,
что прикинулся
не поэтом.

* * *

Я и сам не знаю,
как меня,
парня из эстонской глуши,
настигла судьба
русского поэта.

...Со всеми
вытекающими последствиями.

* * *

Мою маму
я на земле
уже никогда не встречу.
Какие страшные слова...

А могила —
за крепким замком границы.

1992

* * *

Писать стихи —
примерно то же самое,
что посылать сигналы
в безмолвный космос
/существующим ли?/
братьям по разуму.

* * *

Род
за родом
цветет,
быстро бросает семя
и уходит.

Цель жизни —
в жизни?
Или кто-то собирает
золотые зерна?

СЕЯТЕЛЬ

Размашисто шагает
сеятель соли
на улицах города.

А хлебное поле
между тем
зарастает бурьяном,
в сердцах буйствует
чертополох.

* * *

Можно отнять все,
но нельзя отнять
молитву.

* * *

Внимательно смотреть
и улыбнуться —
тогда земляника покажется.

1992 — 1996
В осенних лесах.

* * *

Та далекая
березовая роща
всю зиму
спасала меня
своим светом,
а ныне
увидеться с ней
не удалось.
Гербовые заботы,
как писал Пушкин
в Дерпт Языкову.

* * *

В осенних лесах
душа
так тиха.

И слышит
свой голос,
заглушенный веком.

* * *

Перебираю свое богатство —
капельки росы,
играющие всеми красками радуги.

* * *

Струна ожидания
так натянута,
что басок шмеля
кажется началом
неведомого разговора.

* * *

Маленький клен
я освободил
из-под упавшего дерева.

В знак благодарности он,
выпрямившись,
укрыл меня
от посторонних взглядов.

* * *

Время и пространство
искривлены
в нашей коммунальной квартире.

Это замечаешь сразу,
как только выходишь
на солнечный свет.

* * *

Солидность —
все же ведь в сущности,
хотите или не хотите,
немного
примерка гроба.

* * *

Как много людей,
в которых умерла
душа...
И они превращаются
в роботов.

Их выдает серый,
металлический блеск
в глазах.

* * *

По-русски
как называются
эти белые ягоды,
я не узнал.

Как по-эстонски —
забыл...

* * *

В электричке
с пестрой толпой
цыган
столько крику,
что возле вольер
с попугаями
какаду.
Но стихи пишутся
как-то легко...

* * *

Мой дом
высоко в воздухе
на шестом этаже

где греют
твои карие глаза

где статные сыновья
уже переросли нас

и где горбатая злоба
все копошится
в конце коридора

* * *

Лето
обрушивает на нас
водопады
живительного
зеленого света.
Лечит раны
огромными,
как блюдца,
листьями подорожника.

* * *

Очиститься бы,
помолодеть душой
в розовой пене цветущих яблонь...

ПАМЯТНИК

Уютная,
какая-то домашняя
зелень
бронзы Пушкина
давно уже
весело слилась
с лепетом листвы
бульваров
и рощ.

* * *

Неизъяснимую прелесть
находишь
и в серой пелене
дождя.

Приглушенное ее мерцание —
словно жемчуг
средней полосы.

* * *

Мечта —
чтобы Пушкин
читал твои стихи.
Чтобы возле
какой-нибудь строчки
остался летучий след
его острого ногтя.

* * *

Отчаянный трепет
листьев осины —
эолова арфа
наших лесов.

А люди
не слышат ее.

* * *

Оранжевый солнечный лучик
нечаянно запутался
в ресницах.

ТРИ ВОСПОМИНАНИЯ

1

Перед отъездом
отец утопил
в мешке
нашу кошку Мурку.

Он чувствовал себя
в ответе за нее
и не хотел,
чтобы кошка
где-то мыкалась,
голодная.

Когда отец вернулся,
руки его
дрожали.

2

Мама учила меня,
когда я был маленьким:
после купания
сперва надевай теплую майку
и потом трусы,
тогда не простудишься.

Мама уже в земле,
а продолжает заботиться
обо мне.

3

Мама принесла
из сада
цветы
и поставила
мне
на стол.

Я почувствовал
себя
еще ранимее
и попросил
унести.

* * *

Глядя
на поздние
обезьяньи выверты
именитых поэтов,
молю Бога,
чтобы он
даровал мне
достойную старость.

* * *

Вспоминаю Эстонию...
Свет синих глаз
причиняет мне боль.

* * *

Так же легко бы
рвать паутину, опутавшую нас,
как ту, на лесной тропинке...

* * *

Аллея золотистых берез
вся светится —
словно солнце спряталось в ней.

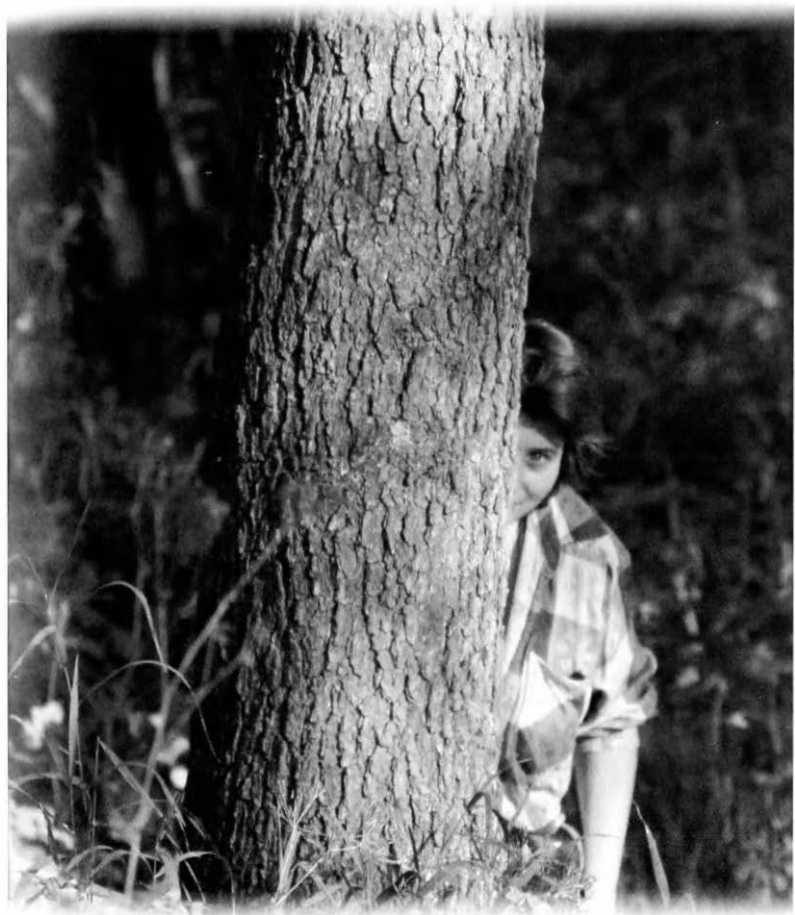
* * *

Утром после заморозков
на цветке шиповника
заблестела слеза.

* * *

Есть искусство —
лукавый растворитель
душ.

Ему настежь
все двери.

* * *

Ты ведь мечтал
стать пророком.
Забыл,
что их побивают
каменьями.

* * *

Сколько часов
или веков
уже стоит
в подземном переходе
эта старушка
с протянутой рукой,
оцепенев
живым изваянием
Горя?

ВРЕМЯ

Воздух
все густеет
и превращается в свинец.

* * *

Как погасить
хотя бы один
крутой вал
зла?

Хрупкое сердце —
волнолом.

* * *

В старом деревянном доме
сизжу за столом.

Хочу получить
грамм
чистого будущего.

* * *

Золотые купола
и кресты
зажглись
на утреннем солнце,
ослепляя сиянием.

Это всего лишь
далекий отблеск
божественного сияния
на высокой горе,
что открылось
избранникам
Царства Небесного.
*«Просияло лице Его
как солнце,
одежды же Его
сделались белыми
как свет».*

* * *

Пречистая
Божья Матерь,
излей Твой
небесный елей
на гнойные раны
России!

* * *

Как много
на великой Руси
шевелится тихих губ
в отчаянии...

Когда
их услышит
Бог?

* * *

Благодарю Тебя,
Боже,
за еще один день.

За этот сад,
весь залитый солнцем.

Вторая тетрадь

*из эстонского верлибра
60-70-х годов*

ПАУЛЬ-ЭРИК РУММО

* * *

Посмотри на ликующего жаворонка !
Он напоминает нотный знак
на линиях солнечных лучей.

Как он там держится?
Крылья почти неподвижны.

Может быть
песней своей?

ВПОЛГОЛОСА

Я мимолетна
говорила девочка морю
ой что мне делать
ты вечное

я прозрачна как и ты
говорила девочка окну
ой что мне делать
видны тайны мои

я открываюсь как и ты
говорила девочка двери
ой что мне делать
солнце стоит на пороге

я маленькая
говорила девочка солнцу
ой что мне делать
ты преогромное

я глупая
говорила девочка старцу
ой что мне делать
какие все умные

*(Из цикла «Музыка кафе маленького
городка»)*

* * *

У кого нет собаки
пусть поднимет руку
возле него остановится
виляя хвостом
такси

по тополиной аллее
держась за поводок
они бегут вдаль
длинная и высокий

дорога и телеграфный столб

ARS SOLARIS

Солнце опрокинулось в виноград,
виноград опрокинулся в бочки,
бочки опрокинулись в бурдюки,
бурдюки опрокинулись в луженные
глотки.

Солнце стало вином, и вино-живописцами
 (одна неожиданность за другой !),
 живописцы стали красками и смешивали их и самих себя
 (еще похлестче !),
 палитры стали кистями, и кисти палитрами,
 пошли каруселью холсты
 и мир превратился в холсты
 (не забудьте вначале было солнце!)

Сегодня солнце чудеснейшей перегонки
брызжет фонтаном
в серое вещество
трехмиллиардного человечества.

Чокнулись, Рембрант !
За тебя и за твой шедевр,
где солнце само наполняет
твой хрустальный бокал.

Р. S. Привет Саскии.

(Из цикла «Музыка кафе маленького городка»)

* * *

А чем наш дом не батискаф,
окунувшийся в невиданные глубины
с длинным шлангом дыма?

Прямо на стогны древнего города.

Атлантида ? Диоскурия ? Замки захлебнулись в волнах.
Колокола умолкли, и только эхо
чутко помнит о звоне, а ему, ветренному,
нет веры.

Крыши обросли кораллами.

Рыбы прогуливаются вдоль тротуаров, переговариваясь
оживленно.

Морские коньки скачут без топота.

Уединившись, больная, одинокая раковина
вынашивает жемчужину.

Невероятное обилие всего, особенно солнц.
При свете миллиона иглокожих солнц
течет подводная жизнь.

Дым — и пуповина и петля на шее,
длинная, вьющаяся иногда,
иногда призывно тугая.

* * *

Ты знаешь, милая, что-то задумали
ростки картофеля в нашем подвале.
Боюсь, что скоро их бледные пики
пробьют этажи, в щепки мебель,
разрежут провода, сетки с которыми ходим на базар
(свободу овощам !).

На чердаке потревожат сны
пыльных игрушек нашего детства.

И на черепичной крыше
разбушуются волны.

Ростки картофеля становятся антеннами, знаменем
Ростки картофеля, подпольные до сих пор.

* * *

На носилках везут
истекающее кровью солнце.
Море становится алым.

Разрешите, мы посидим немного на камне
и подождем.

У нашего лучшего друга
трудная операция.

— О, вы можете не беспокоиться.
Утром оно непременно
поднимется к вам.

Мы знаем. Верим.
И все-таки...
разрешите, мы подождем.

* * *

бабка вяжет
а котенок
играя
разматывает клубок
на полу

разматываются лесные тропы
застланные сосновыми иглами
грибные тропы
тихие муравьиные тропы
тайные тропы ежей
по стволам
смолистым бревенчатым стенам
молниями белки снуют
и мальчик с девочкой
все идут и идут
взявшись за руки
(как же иначе ?)

...котенок вяжет
и белка играет
и муравей с ежом
все идут и идут
взявшись за руки...

бабка дремлет
и котенок играет
и мальчик с девочкой
все идут и идут
все идут и идут и идут
взявшись за руки

бабка очнется и кричит им вдогонку
дети
не заходите слишком далеко

НЕ МОГУ НЕ МОГУ НЕ МОГУ
НЕ МОГУ НЕ МОГУ

лишь веки смыкаю
вижу наяву
мне рассказал пасечник
о двадцати пяти
ульях
сгоревших дотла

действительный случай
действительно сгоревшие улы
Это не стихотворение. В стихотворении нужно, чтобы
содержание прояснилось. Я жду и жду, но оно не
проясняется и больше я не могу. Это не стихотворе-
ние. В стихотворении ищут подтекст, глубинный
смысл, образы. Это не стихотворение —

это раскаленные добела грабли
испепеляющие веюреск
это огненная пила с разъяренными зубьями
это искромсанные соты
это то что мед обычно не горит
это то что загорается даже мед
это то что обезумевшие пчелы жалят воздух
жалят воздух и погибают
это порхание серых бабочек пепла

с дальних лугов вернется разведчик
важную весть танцевать
что им найдены небывалые цветы
это то что я в замешательстве стою
не зная как станцевать ему
то что случилось
и что ответить ему
если он спросит
почему

ВСЕ ДУМАЯ О ЮХАНЕ ЛИЙВЕ

1

Или — его не было вовсе ?!

И было лишь
падение

хлопьев

снега

в озеро,

таяние

и медленное

оледенение ?

Некий треск
за серыми решетками осин
в лесу.
Не выдержало что-то
под морозным небом.

2

Да, был ли он вовсе ?

Был, а как же, был ! Ого, молодой петушок
стучит изнутри сердца, словно о скорлупу.
Вот уже выпячивает грудь —
был, был у нас такой муж,

телевышкой на болоте,
горной вершиной в низинах.

Нет, нет, только не это.

Во имя скучной, самой будничной череды дней —
заклинаю вас — не нужно этого мифа, гордого и великого.
Ведь он — это мы и давайте не создавать о себе
этот миф, гордый и великий.

Ведь он — это мы: маленькое озябшее озеро.
Ведь он — это мы: хлопьями валит снег.
Маленькое озеро, старающееся бережься ото льда,
бережь себя и бережь мир вокруг себя,
бережь мир в своем единственном зеркале.

Мы все едины. Озеро в лесу и лес в озере.
Мы все едины. Озеро встает снегом и снег валит озером.
И все.

И некий треск.

В лесу или в озере ? Сердцевина дерева ? Или
крышка льда ?

Только не нужно этого мифа, гордого и великого
здесь под молчаливым, по-траурному белым
морозным небом.

Юхан Лийв (1864 — 1913) — крупнейший эстонский поэт.

* * *

Зимнее мелькание
синих от холода
телеэкранов

в некой стране
большой-маленькой
в некоем городе
большом-маленьком
на окне
живет
цветок

что поделаешь
сажа труб
садится тебе
на глаза

летнее гудение
захлопнувшихся
холодильников

в некой стране
большой-маленькой
в некоем городе
большом-маленьком
на окне
живет
цветок

здравствуй
я люблю тебя

ЯАН КАПЛИНСКИЙ

ЧИТАЯ ДУ ФУ

Некогда очень давно
я умел играть на свирели.

Весна, персики
изнемогали в цвету.

Я умел играть на свирели.

Я помню обрывок мелодии,
лепесток
и крик обезьян за рекой.

Ничего более.

ГЛАЗА

Бабочка улетела
за реку
и погибла.

Старик греб на ладье,
увидел отражение свое
и сказал:
это жизнь.

Юноша с девушкой гребли.
Ничего не сказали.
Заглянули друг другу в глаза.

Тысячи раз
они видели
себя, жизнь
и белую бабочку
в полете
над темной водой.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСЕНКИ ДВУХ ОСЕНЕЙ»

*

Облака пели
и пела одинокая звезда
с багрового берега неба
над верхушками елей.

Кузнечики пели
и лилась песнь во мне
и облака пели
и пела одинокая звезда
в нахлынувших сумерках.

Мне почудилось, что я слышу любовь,
и это могла быть она.

*

Нет сна.
Яблоки падают
в нескошенную траву.

*

Озеро, нежась в песках,
не заметило, как удалились голоса.

«Я останусь, мне дела нет
кто ради чего идет.

Идущим несть числа,
останавливаются считанные,
остающихся вовсе нет.
Если постелишь себе на дороге,
ты будешь втопан в пыль
подошвами завтрашних путников».

Так размышляла дорога на Казаритса.

*

Колышусь спелым ячменем.
Боюсь,
но все-таки жду.

*

На камне и на дороге
не осталось следов вчерашнего,
лишь на тебе и на мне
и на утомленных кленах
остались следы вчерашнего,
золотые и багровые следы
на кленах и на людях.

*

Помнит ли
яблоко
ту яблоню ?

* * *

времена надвигаются
подобно пескам скалы
поют хвалу заре ящерицы
ныряют в дюнах облака
убегают вдаль земля остается с небом
наедине как было в самом начале

стены разваливаются от набегающих ветров
берегов

и

* * *

белый клевер не знает
во имя чего если спрашивают
я скажу во имя белого клевера

остались кости и оловянные пряжки
время стирает на соснах кресты
белый белый белый клевер

стебелек трилистник отец сын святой дух
сыпучие иглы ветер треплет кору
алое было вопрос зеленое будет ответ

* * *

Зря ты старался
внушить себе,
закрыв глаза,
что стоишь в лесу,
а не в 32-м автобусе,
трясущемся через мост Выйду,
накрепко стиснутый там
вместе с другими жителями Заречья,
из которых кое-кто,
наверное, тоже старался
внушить себе,
что ты — ствол дерева
или мешок, наполненный горохом.

* * *

Я взглянул в окно солнца
в окне солнца дремала рыжая кошка

я взглянул на руки солнца
руки солнца золотились от пыльцы бабочек

я хотел взглянуть в глаза солнца
а солнце было в солнечных очках

* * *

Вечером когда темнеет
детей приводят домой из садика

мир невиданно разросся города
здания автомобили такие громадные такое множество
а они такие же махонькие как прежде
на поле в люльке в платке на спине у мамы
когда вещи еще не вырастали
выше голов людей

дети Огненной Земли в утлых лодчонках на
студеном море

дети Варшавы идущие в газовые камеры
дети Тарту на темных завьюженных улицах
мне страшно за вас всех вы такие махонькие
в мире все вырастает быстрее чем вы — вы спрашиваете
мы я

должны отвечать ЧТО не простите нам если солжем
хотя

нам лгали я верю в вас но мне страшно почему жизнь
начинается

с начала где все такое махонькое и хрупкое а на
улице ездят

громадные тяжелые автомобили парни кулаками
дробят друг другу зубы самолеты
на небе ночь нет ни сна ни покоя завьюженная ночь
вопросов

ночь перед зимним днем солнцеворота

* * *

под голубыми звездами
медленно стынет старая баня

субботняя ночь
лунным светом залита оледеневшая
метла у крыльца

* * *

Я долго искал ключ
упавший в снег
солнце зашло

* * *

Идешь в портфеле
медленно стынет
буханка черного хлеба

* * *

Восемьдесят лет работал профессор Судзуки
он встал и ушел вся бумага все книги
остались первоначальной белизны

* * *

Сын открывает глаза
улыбается
и вновь засыпает

улыбка
как солнечный луч
может разом
преобразить
весь мир

иногда бесповоротно
насовсем

ВИЙВИ ЛУЙК

* * *

Милый, я была невнимательна
вчера.

Выпал снег.

Чайки зябли,

чибис чуть не погиб.

Милый, я была невнимательна
сегодня.

Я увлеклась

желтой бабочкой

в Королевском саду.

* * *

Продавец песен

много ли звонких монет

сулит снегопад ?

* * *

Подул ветерок
из города солнца. Разве
этого мало ?

ШМЕЛЬ

Гляди, он побывал
в каждом цветке львиного зева.

Его голос из меди,
из старой, позеленевшей меди,

Не тронь его,
он идет в свой дом, —

удивительную обитель
из меда и мха.

* * *

Ты ведь знаешь:
тишина снега
любит меня.
Говори со мной
на языке
идущих снежинок !

ДЖОННИ Б. ИЗОТАММ

Я

я джонни б

вчера бившийся лбом об стену
брови расквасивший до крови

сегодня прохлаждающийся в тени стены
спину почесывающий о нее

завтра восседающий на верхотуре
важный отвратительный жирный

ТООМАС ЛИЙВ

ТАК УЖ ЕЙ ЗАХОТЕЛОСЬ

Однажды давным-давно жила-была принцесса, которая любила есть снег. Она знала, что все принцессы, которые едят слишком много снега, когда-нибудь сами превращаются в

снег, так уж ей захотелось. В один прекрасный день она превратилась в белый снег. И весной растаяла, как всегда снег, никто не знал, где искать принцессу. А ты, глядя

на бегущие весенние воды, вспоминаешь ли ты ту странную принцессу?

ЭНН ВЕТЕМАА

∞

Маленькая, бедная бесконечность,
я знаю,
о чем ты тоскуешь,
озябнув,
где-то там
за краем галактики.

Ванильным крендельком
в руке
у вихрастого мальчугана
тебе хочется стать.

* * *

Одиноко прильнуть
к теплой таинственной печи
которая в темной комнате
дышит ласково и странно
Печь моей мамы
Печь моя мама
Печи ведь немножечко мамы
Мамы ведь немножечко печи
И нам хочется вернуться к ним

В темной комнате
у теплой печи
мы думаем прекрасные печальные детские думы
о птицах в холодном ночном небе
темно-синем бескрайнем небе
над высокими трубами
У этих птиц посиневшие пальцы
холодные и печальные
О вы бедные птицы без печи !
О вы бедные беспечные птицы !

МАТС ТРААТ
(Изцикла «Харалаские жизнеописания»)

ВИВИКА

Меня ждали осенью,
но немецкий солдат
ногой ударил маму,
и я рванулась увидеть свет.
Даже имени не дали мне,
а положили сразу
в сырую, мрачную люльку.
Ветры, вы знаете,
как пахнет клевер,
как вечерами качели скрипят.
Ветры, вы знаете...

УЧЕБНИК

Возьмите шпиль церкви,
залитые потом каменистые поля,
березовые или ивовые ветви на розги,
несколько угасающих слов,
алую полоску зари
и руки бесконечно много рук —
получите историю.

ЗИМНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ

День, должно быть, мраморный цветок
или умалишенный в полосатой рубахе травы и солнца.
Не могу доказать ни того, ни другого, молчу потому.
Заря прикасается пальцами ко лбу и гребнем света
расчесывает вихры, пока я встаю.
Вниз по лестнице, по улице, по городу кличет день меня.
Будь он мраморный цветок, я бы сорвал его
и подарил бы каменный цветок
прекрасной продавщице воды.
А он всего лишь день — нахлынувший, неуловимый.

СКАЗКА

Однажды в придуманном домике
жила придуманная девушка
варила придуманные кушанья
вязала придуманные варежки
напевала придуманные песенки
своему придуманному милому
пока придуманный юноша
не пал на придуманной войне
тогда придуманная девушка
выплакала настоящие глаза
и дело с концом

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

О скотине
о ломоте в костях
старухи судачят уныло
все дни напролет
птица в них плачет
в кровати воспоминаний
канул сеновал девичества
папортник не расцвел
землистое озабоченное пламя
в них тлеет ждет
дети узнают о нем
когда кидают
горсть земли
на гроб

ЗАБОТЫ ПУТНИКА

В каждый миг мы стоим у развилки дорог.
Дороги ведут либо в пропасть,
либо в залитую солнцем долину.
В долине — затаенная пропасть.
На дне пропасти — синий цветок.

Мы рассеяны, когда идем,
неся в котомке
краюху хлеба
и записку любимой.

АЛЕКСАНДР СУУМАН

* * *

Бледная желтизна березы.
Ветер развевает листья по свету.
Грустно...

Я писал бледную желтизну березы
и листья, развеваемые ветром по свету
Я почувствовал, что с каждым мазком удаляюсь от березы,
и за грустью пришло беспокойство.

Тогда я стал писать грусть.
Писал, пока на полотне
не зашелестела береза
с листьями, развеваемыми ветром по свету.

Грусть, которая исходит от полотна,
так сильна,
что доставляет радость.

* * *

Смех твоих белых зубов,
белый смех твоих зубов —
это ландышей перезвон
под орешником
в сумерках,
милая.

* * *

Я взял темноту
под елями...
Я взял березовые листья,
которые кружит ветер.
Осторожно я взял
курлы-курлы
с низкого облака.
Под рябиной стояла Биби.
Я взял и ее.
Больше не уместилось в руках.

* * *

Я нарисовал лес
и над лесом — солнышко.
Люди сказали:
утро,
Никто не сказал:
вечер.

Стихотворения
разных лет

Стихотворения из книг,
(не включенные автором в основное собрание).
Из книги «Исчезаю в весне»

* * *

Толкаюсь в сутолоке площадей.
Спускаюсь в переходы.
Езжу в троллейбусах
и метро.
Кто-то вечно
ходит за мной
по пятам,
не отставая
ни на шаг.
Это я сам
до боли
жажду себя понять.
Я хочу
на миг отделиться,
чтобы увидеть себя
со стороны.

* * *

Как-то я научился узнавать
в толпе
одиноких людей.
Они идут углубленно,
слушая песню в себе.
Конечно чуть грустную.
Иногда, забываясь,
улыбаются
какой-то затаенной мечте.
И, спохватившись,
с опаской оглядываются —
не выдали ли себя.

* * *

В такой день
даже солнцу
хочется греться на солнышке.

* * *

Девушки,
с виду
неприступные крепости.

Не всякий ведает,
сколько смятения
за высокими стенами.

* * *

Каждая клетка жива
ожиданием чуда.

И как грустно,
если к вечеру
не случится оно...

* * *

Весь день мы ходим среди людей.
по вечерам остаемся одни.
Лампа и чернеющие углы.
Люди исчезли, словно призраки,
как будто мы днем
ничего не делали для них.

* * *

Обмакиваю свою кисть
в густые осенние краски,
чтобы было
чем писать
в долгие зимние вечера.

ПЕСЧИНКА

Я — песчинка.
Я был молодым,
надменным кирпичом
в стене дворца.

Я презирал
жалкий люд,
копошащийся в мастерских,
шумный
и все же безмолвный.

Зато трепетала душа,
словно птаха,
когда на белом слоне,
словно бог на туче,
величественно покачивался царь.

— Дорогу, дорогу
властителю вселенной,
всемогущему сыну солнца!

Стены были крепки.
Топоры были остры.
Речи — сладки.

Казалось —
так будет вечно.
А сегодня я —
песчинка.

* * *

Нам ли слава нужна?
Мне б только
настольную лампу.
И умную книгу
далекого века.
Буду тянуть ее,
как вино.
Ну и, конечно, ты.
Без тебя все рушится.

* * *

Тебе ведь тесно
со мной
в этом зале,
но счастливый облик
твоего избранника
покамест маячит
лишь в звуках.

* * *

Вот плечо.
Вот губы.
А там, гляди,
и счастье.
Почему же я медлю?
Потом ты скажешь:
— И он такой,
как все.

* * *

Тебя несет ко мне
тропой беды.
И уносит —
радость.
Затоптаны обе дорожки.

* * *

В троллейбусе
с оледеневшими стеклами
мы трем рукавицей,
растапливаем дыханием
крохотную щелочку.
И, словно сокровище,
вручаем входящим, —
когда большие морозы.

* * *

Мы причиняем боль
лишь тем,
кому мы дороги
Другим мы безразличны.

Из книги «Осенние прогулки».

* * *

Тополиный пух
летит в окно
солидного учреждения.
Какая-то нежность
в его полете,
и это опасно.
Машинистка может забыться.
Вспомнив молодость,
перестать стучать,
И даже большой начальник
может вдруг
загрустить, как мальчик.

* * *

Иглы сосен
в городской черте
покрываются копотью.
Черт знает,
чем дышим.
Ресницы девушек
покрываются
черной краской...

* * *

Ты придешь —
если не буря,
гром,
землетрясение.

Ты придешь —
если не солнце,
лужи,
листопад.

Ты полна
золотыми рыбками.
Я — черным углем.

Из книги «Годовые кольца»

* * *

(отрывок)

Разрывы бомб
в далеком Вьетнаме
аукнутся здесь
уродством лиц
зданий,
вещей.

1967

В РАБОЧЕМ ОБЩЕЖИТИИ

Здесь история движется медленно
и редко заглядывает в комнату,
где четыре серые кровати.
Сюда бутылка приходит
проще, чем книга.
Парни здесь
ощупывают жизнь руками.
Я чувствую, как играют
неисчерпаемые силы,
словно мускулы под рубашкой.

Комсомольск-на-Амуре, 1963

* * *

Пути цивилизации —
от Нагорной проповеди
к Нагорному Карабаху.

Неизданные
стихотворения

* * *

В такие темные вечера
добывать свет
можно только из книг.

* * *

Хотите,
я уведу
ваших невест,
прочитав им
стихи?

Я уведу их
только в мечту.
А спать они будут
С вами.

* * *

Господи, как я беден,
мне нечем ответить
на улыбку девушки,
делаю вид,
будто я выше улыбки
И улыбка умирает.

* * *

Уже начинают создавать
предпраздничное настроение.
Мой современник —
гений добычи —
снует возбужденно
туда и сюда.
Выбросили заграничное.

октябрь 1967

ОКТЯБРЬ

Листья лежат,
как подбитые птицы,
лапками вверх.

1993

* * *

В магазине «Поэзия»
мою книжку
не взяли.
Там торгуют
унитазами.
Это намного
доходнее...

2 декабря 1992 г.

* * *

Земля,
я знаю,
тебя корежат все,
кому не лень.
И все же прошу —
прими в себя
мои болячки.
И вылечи
душу мою.

* * *

Я маленький
и сражаюсь с крапивой.
Палка в руке — рапира Гамлета.

* * *

Я у мамы
переношу дрова
в сарай.

В моих руках
солнечные,
пахучие щепки,
похожие на соты
со свежим медом.

Так бы и застыть...
Но уходят поезда.

* * *

Два яблочка
она спрятала под свитерком.
И лукаво улыбнулась.

* * *

Собирая цветы
на миг
обретаешь волю.

«ТРОИЦА» РУБЛЕВА

Беспричинная нежность
разлита в фигурах,
которую часто
в себе узнаю.

Вы ангелы, тоже
наверное, поэты?
И вам, кроме музыки
ничего не нужно?

* * *

Где взять слова
для певучести шеи
милых завитков,
для этой старинной
смешной лампы
или угрюмого стола?
Вещи и люди
мурлычат тихо
себе под нос.
Я слышу,
а передать не умею.

* * *

Играют скрипки.
И ты сидишь
Невидимой ласке подставив лицо.

* * *

Камень,
пущенный
из рогатки хулигана,
просвистел
мимо головы.

Полчаса назад
старуха соседка
шушукалась
со шпаной.

Не камень
а осколок
дикой злобы
пролетел
мимо головы.

* * *

Поневоле
заглядываешь пристально
в лица.
В ком из близких моих
затаился
грядущий «хунвэйбин»?

1967

* * *

Лилипуты
так опутали Гулливера,
что при малейшей попытке
освободиться,
веревки еще туже
врезались в тело.

...Это я думал,
читая письма
Пушкина.

* * *

Настоянный на солнце
аромат лекарственной ромашки.
Хочется душу им наполнить.

* * *

Мы уезжаем,
а в саду
так же таинственно
продолжают наливаться
яблоки.

Ветки наклоняются
все ближе
к земле.

* * *

Мою седину
уже и не разглядишь
среди цветущих вишен.

* * *

Березовый лист
оторвался от дерева
И медленно плывет в вечность.

* * *

Облетевшая береза,
как статуя,
в сумерках
смутно белеет
на опушке леса.

* * *

Нужно быть смелым,
будучи осторожным.
Это фокус,
который кажется невозможным.
Увы, у меня
получается иногда.

1967

* * *

Из моего тощего кошелька
силой сверхмощного насоса
вытягиваются последние гроши
в чью-то
гигантскую мошну.

1992

* * *

Отец
был скуп
на чувства,
но когда он работал,
я воочию видел —
молчаливая добротность
в его руках
превращалась
в доброту.

* * *

Незадолго до кончины
отец,
превозмогая боль,
тщательно расставил
дрова в сарае.

... Последнее,
что он успел сделать
для гармонии мира.

* * *

Загорелые лица,
ослепительно синие глаза —
Эстония летом.

* * *

Чем яснее
свет в душе,
тем больше
всякой нечисти
лезет извне.

* * *

Образ зверя
или образ Бога —
что несешь
в душе
человек ?

И. Б.

Эти стихи
написаны гипсовой маской
(или голым черепом),
которой все равно
в какой точке глобуса
обитать,
презирая
живых.

* * *

Вечером,
когда люди уходят домой,
одиноких не видно.

Днем,
когда люди садятся обедать,
голодных не видно.

Тени их витают
возле нас.

* * *

Какой-то сиротливостью
веет от березы,
в прозрачной кроне которой
только считанные
желтые мазки
кисти невидимого художника.

* * *

Как редки эти минуты...
Долго летит осенний лист.
Никуда не торопишься ты.

* * *

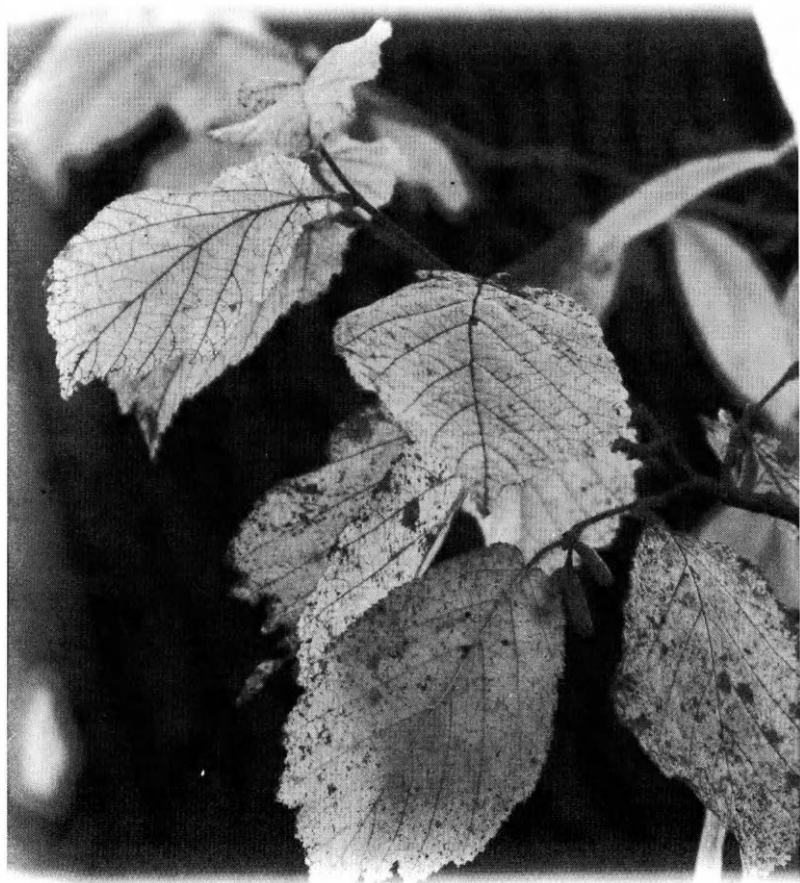
Легчайшее дуновение ветра —
и листья осины
начинают бесконечный
шелестящий лепет.
Дрожат,
как на ледящем холоде.

* * *

Сердце
может вдруг вспыхнуть.
Разгореться
без остатка
алым пламенем,
как этот куст
осенью
у дороги.

* * *

Еле слышный
шелест листвы —
вероятно, это и есть
далекий гул
прибоя вечности.

* * *

Мужчина
со скрипкой
вошел в гастроном.

Щемящая жалость
вдруг возникла к нему —
так нелепо он выглядел
среди прилавков
и толкотни.

... А я
со своей
невидимой скрипкой ?

* * *

Две морщины
застыли
у рта.

То ли остатки
добродушной улыбки,
то ли глубокой скорби...

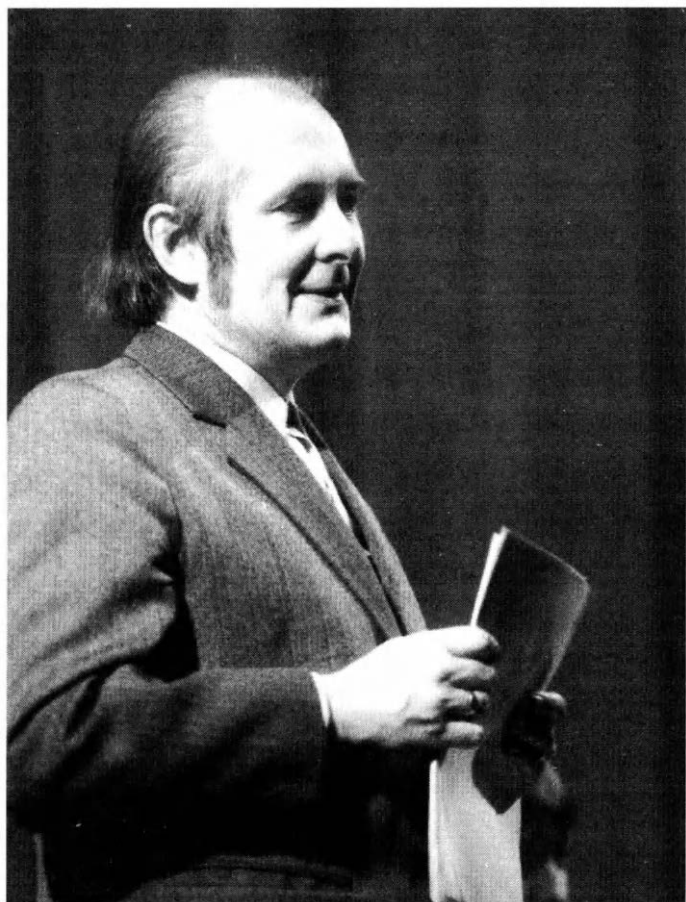
* * *

А цветы
нужно нести домой
в своей душе.

* * *

Пушкин —
это когда
после долгих странствий
возвратился домой.

Пушкин —
это когда
дышится легко.

СТАТЪИ

Размышляя о верлибре.

В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого все здание будет построено на песке. Но выражается оно не в виде моральных сентенций или призывов, а через высоту нравственного идеала.

Взаимоотношения свободы и необходимости в верлибре не отменяются, они видоизменяются, поднимаются на иной уровень. Отказ от таких важнейших формообразующих элементов канонического стиха, как метр, рифма, музыкальная напевность, верлибр должен компенсировать, с одной стороны, повышенным накалом содержания, а с другой — жестким самоограничением, самодисциплиной. Организация свободного стиха — чисто внутренняя.

В основе верлибра лежит ритмический импульс. Если в стихотворении нет свободного дыхания, все возвеваемые в нем истины не стоят ни гроша.

Мышление верлибра во многом композиционное. Хороший верлибрист должен обладать абсолютным

слухом во всем, что касается чувства меры, соразмерности.

При удачной композиции книги каждое стихотворение аукается со всеми остальными. Хорошая композиция — как бы сложная система зеркал, где солнечный зайчик бесконечно долго гуляет с одного зеркала к другому. При плохой композиции стихи «гасят» друг друга.

Канонический стих — всегда обращение к читателю с некой, пусть даже и небольшой, но все же возвышенности, — со сцены, эстрады и т.п. Отличительная особенность верлибра состоит в том, что он снимает всякую дистанцию между поэтом и читателем. Верлибр — это разговор запросто, по душам, и не обязательно в уютных креслах — он даже непринужденнее на двух табуретках, а то и на голой земле.

Именно поэтому верлибр может передать читателю мгновенное обжигающее чувство причастности ко всему в мире — и к природе, и к вечности, и к человечеству, и к красоте.

Взгляд верлибриста — это одновременно взгляд и ребенка, и философа, и пророка.

Два стихотворения А. Блока

6 февраля 1908 года — «звездный час» в истории русского свободного стиха. В этот день к Александру Блоку приходили две гости — гимназистка Елизавета Пиленко /будущая поэтесса Кузьмина-Караваева, монахиня мать Мария/ и актриса Наталья Волохова. Блок им посвятил по верлибру. Это знаменитейшие, классические стихотворения «Когда вы стоите на моем пути...» и «Она пришла с мороза...». Стихотворения настолько несхожие, что словно относятся к разным этапам эволюции верлибра. Стихотворения одновременно и явно экспериментальные и по-блоковски гениальные.

В данном случае нас прежде всего интересует стихотворение «Когда вы стоите на моем пути...», так как в нем наиболее ярко проявились и причины прихода поэта к свободному стиху и особенности поэтики свободного стиха.

В стихотворении, обращенном к пятнадцатилетней девушке, влюбленной в поэта и его стихи, заблудив-

шейся в лабиринтах заимствованной литературной скорби, книжных трагедий и размышлений о смерти, которые заслонили от нее настоящую жизнь, Блок не случайно прибегает к стихотворной форме, резко отталкивающейся от всякой литературной условности. Отказываясь от метра, от рифмы, от музыкальной напевности, Блок добивается того, чтобы в стихотворении без всяких помех, отвлекающих факторов звучал живой, естественный человеческий голос, чтобы возникла атмосфера доверительной беседы.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах.
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Голос мудрого, благородного человека звучит так отчетливо во всех его нюансах, переливах, что порой кажется- невольно подслушал разговор поэта с его юной собеседницей / замечу в скобках, что в голосе поэта слышится и большая доброта, но он как бы прячет ее, чтобы не казаться навязчивым/. Вместе с тем, тон поэта лишен наставительности, разговор этот нужен ему самому не меньше, чем юной девушке. Ведь за годы работы в поэзии в душе его накопилось

немало «литературных ядов» и он с грустью признается:

Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

В верлибре, как и везде, Блок-лирик беспощадно правдив по отношению к себе. И эта предельная искренность становится еще одной важнейшей гранью, без которой невозможно было бы решение главной художественной задачи стихотворения — порвать с малейшей фальшью, искусственностью, возвратиться к естественности, к подлинной иерархии человеческих ценностей, сквозь завесы литературности прорваться к настоящему небу к настоящей земле.

Именно в этом видел суть поэтики свободного стиха за полвека до Блока и Уитмен в предисловии к знаменитым «Листьям травы»: Если я и искал образцы, то этим образцом служили мне не ухоженные цветники, а Природа... Цветников в поэзии предостаточно. Природы же /я имею в виду не букву ее, а дух, божественную сущность/ — очень мало, а вернее, и вовсе нет».

К разговору о другом замечательном верлибре Блока «Она пришла с мороза...» я приступаю с робостью. Дело в том, что это простое на вид стихотворение в действительности очень сложное, многоплановое, полифоническое. Прелесть стихотворения ощущается живо,

по все в нем так легко, непринужденно, неуловимо, что логическому разбору буквально не за что ухватиться.

И все же некоторые выводы сделать можно. В отличие от стихотворения «Когда вы стоите на моем пути...», подчеркнуто дисгармоничного по форме, Блок в стихотворении «Она пришла с мороза...» большое внимание уделяет гармоническому началу. Но гармонии не явной, а как бы подспудной, проявляющейся исподволь, эпизодически. И только однажды ключ ее открыто прорывается на поверхность. Это в строках:

...Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом...

В то же время в стихотворении несомненно присутствует и прозаическое начало, о нем свидетельствует ряд громоздких строк с малопоэтичными деталями. Наиболее же концентрированно оно, на мой взгляд, и по содержанию и по форме выразилось в строках:

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Не нужно быть глубоким знатоком поэзии, чтобы заметить, насколько разительно отличаются друг от друга эти два отрывка. Даже с трудом верится, что они взяты из одного и того же стихотворения. В первом случае все дышит восхищением красотой, тончайшее

благозвучие согласных в нем поддерживается протяжным сквозным «о» ударных гласных /оо— аоо — оо/... Второй же отрывок — про кота, подстерегающего голубей, длинная фраза синтаксически построена с использованием деепричастия и причастия настоящего времени, вводного слова «оказалось», мало подходящих для поэтической выразительности.

Перед нами как бы два полюса, два центра стихотворения, условно их можно было бы назвать гармоническим и прозаическим. Их противоборство, отталкивание и в то же время притягивание, взаимопроникновение и лежит в основе стихотворения.

В стихотворении «Она пришла с мороза...» как в капле воды отразилась сложность, двойственность отношения Блока к Наталье Волоховой, в ту пору драматической актрисе театра В. Комиссаржевской. В начале 1907 года Блок пережил бурное увлечение ею. Волохова обладала не только большим обаянием, но и властной влекущей силой, она неудержимо увлекала поэта в миллионы бездн, на снежный костер, на снежный крест... Но как свидетельствует вся лирика «Снежной маски», ни разу не согревала его. « Душа леденела», «сердце остыло» — слышим жалобы в стихах Блока. Не случайно в строках о Волоховой не раз проскальзывает и мотив «змеиности» ее красоты. Осенью 1907 года страсть видимо на некоторое время возобновилась.

И я провел безумный год
У шлейфа черного... —

писал Блок в цикле «Заклятие огнем и мраком».

Вместе с тем, Наталья Волохова оставила глубокий след в душе поэта, переполненной живых отзвуков прошлого. Таких отзвуков мы находим немало и в стихотворении «Она пришла с мороза». Приведу простейший пример — до него было стихотворение «Она пришла с заката...», а стихотворение «Снежная дева» начинается со строки «Она пришла из дикой дали». Ассоциативное богатство этих и ряда других стихотворений через определенное ключевое слово или образ как бы приобщается к контексту рассматриваемого нами стихотворения, который становится еще более емким. Между прочим, в первом из названных стихотворений есть строки:

И змеи закрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте...

Это было в начале ноября 1907 года.

А через три месяца, 6 февраля 1908 года, внутреннее состояние поэта таково, что впечатления от новой встречи преломились через поэтику верлибра. И это, как мы увидим, привело с собой и некоторые существенные особенности в видении мира.

Она пришла с мороза. Но не как «роковая женщина» «Снежной маски», и не как условная «Снежная дева» или «вихрей северная дочь», а как живая женщина. И красивая, самоуверенная, взбалмошная, — как комета ворвалась в рабочий кабинет поэта.

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.
Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

А, возможно, ее приход вернее было бы сравнить не с кометой, но с каким-нибудь снарядом, шипящей бомбой, которая все разбросала, растормошила...

Все действия ее — пришла — наполнила комнату... уронила на пол...- лежат на поверхности, это одна, как бы внешняя линия действий. И за их вихрем не сразу разглядишь, что в кабинете находится еще и лирический герой, поэт. Он так незаметен потому, что весь ушел в творческий труд, обозначенный в стихотворении неопределенно-пассивным словом «занятия». Своим вторжением она буквально на

полуслове оборвала их.

...совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

И ему приходится из глубин вынырнуть на поверхность. Надо полагать, что и толстый том художественного журнала она шлепнула на пол с изрядным шумом. Естественная реакция поэта — досада и раздражение /«Все это было немножко досадно и довольно нелепо»/. Две линии действий — ее — внешнюю и его — внутреннюю — нагляднее всего можно было бы представить в виде таблицы с двумя параллельными столбцами, но это заняло бы слишком много места.

Но вот она захотела /чуть было не написал «попросила», но вовремя исправил — захотела/, чтобы поэт читал ей вслух «Макбета». Блок любил эту трагедию Шекспира и, думаю, охотно согласился читать.

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Стихотворение, казалось бы, подошло к своему апогею. Две линии действий, прежде разделенные, талеккие, здесь не только в едином действии, но и в едином чувстве сливаются. Этот отрезок таблицы с двумя параллельными столбцами можно было бы изобразить так:

Она:

Он:

тоже волнуется не может говорить без волнения

Двое волнуются над страницами одной и той же книги — более трогательной идиллии трудно себе представить.

Но... выясняется, что причины ее волнения куда более земные:

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Действительная кульминационная вершина стихотворения здесь; то, что казалось ею выше, — всего лишь внешне правдоподобный ложный след. Родство, гармония душ, которые обрисовало воображение, на деле оказались видимостью, основанной на забавном недоразумении. Вместо совпадения, слияния линий — прохождение мимо, еще явственнее, чем раньше, они существуют словно в разных измерениях.

Впрочем, фраза построена так, что неясно, о ком героиня больше волнуется — о коте, который может упасть, или о голубях, которых он может съесть. Похоже, что о коте...

Строфа эта в стихотворении поворотна, примечательна во многих отношениях, здесь развязка многих завязанных ранее узлов. Именно здесь кончается, будто наткнувшись на что-то твердое, ее прежде мощный, сокрушавший все на своем пути энергетический заряд. Дальше в стихотворении мы слышим только поэта.

Нельзя не удивляться и той легкости, незаметности, с которой она всего лишь за пятнадцать строк с высшего поэтического гармонического центра /«наполнила комнату...»/ съезжает вниз к прозаическому центру /«оказалось, что большой пестрый кот...»/ Происходит это с помощью множества тончайших, еле уловимых психологических, стилистических и интонационных нюансов.

То, что на бытовом уровне выглядит забавным случаем, полуанекдотом, могущим вызвать лишь улыбку, на философском, сущностном уровне представляется трагедией, трещиной во всем мироздании. Поразительно, но в стихотворении «Она пришла с мороза...» присутствуют оба эти казалось бы взаимоисключающие начала. Первое из них журчит на поверхности и именно оно придает стихотворению прелесть непосредственности, простодушия, второе же находится в глубине и временами проступает, просвечивая какими-то гранями.

И все же больше всего в стихотворении меня восхищает интонация. Она необыкновенно легка, гибка и вместе с тем богата оттенками — выражая то восхищение, то иронию, то улыбку, то самоиронию. Есть в ней и какая-то совершенно неуловимая жемчужность...

Если стихотворение «Когда вы стоите на моем пути...» основано на разговорной интонации, создающей полную иллюзию душевной беседы, то интонацию в этом стихотворении условно можно было бы назвать лирической повествовательной. Оказывается, что в ней не меньше, а возможно, и больше различного рода переливов.

Блок построил стихотворение так, что каждая строфа в нем — законченное предложение / за исключением третьей строфы, которая состоит из двух предложений/. Таким образом, каждая строфа представляет собой законченную интонационную волну с ее вершиной и понижением. Таких волн в стихотворении пять. Поэтому, что мы уже знаем о структуре стихотворения, мы вряд ли можем считать случайным и количество строк в строфах, в котором обнаруживается явная математическая закономерность:

$$7 - 5 - /2 + 2/ - 4 - 3 - 3$$

И это предоставило поэту дополнительные возможности для тонкого варьирования интонацией.

Первые строфы, в которых больше всего строк — семь, пять — словно водопады, откуда волна летит вниз в хрустальных, сверкающих на солнце брызгах /невольно вспоминается державинское «алмазна сыплется гора»/. А дальше, со вторжением менее поэтических деталей, строфы становятся все ниже, вытягиваясь в длину, к поэтической строке.

Приемы интонирования в стихотворении в большинстве своем неявны, некоторые из них, возможно, так и останутся незамеченными. Остановлюсь на наиболее очевидных. Выделение в первой строфе слова «болтовней» в отдельную строку вносит в стихотворение ряд дополнительных нюансов. Перед словом возникает пауза, оно в смысловом отношении выделяется, а графически, по вертикали, будет соотноситься с завершающим предыдущую строку, контрастным по смыслу словом «занятиям». В результате

такого интонирования слово «болтовней» прочно оседает если не в сознании, то во всяком случае в подсознании читателя.

Если же взять строки:

...О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется... —

то слова «волнения», «волнуется», вынесенные на самое заметное, ударное, место в строке, на конец строки, образуют как бы интонационный курсив или же смысловую рифму. Смысловую рифму, смыслу которой тут же суждено улетучиться и тем самым обнажить пропасть...

И еще на одном любопытном явлении хотелось бы остановиться. В стихотворении пять раз встречается «стык» ударений, когда два ударных слога без всяких промежуточных безударных, стоят рядом. Такой стык не содействует благозвучию, но зато встряхивает, словно толчок, обостряет внимание к содержанию. Думается, не случайно такой стык встречается в ключевых в смысловом отношении фразах:

« и она тоже волнуется»

«прошли времена Паоло и Франчески»

Такой стык также замедляет интонацию, придает ей некую значительность

В трех строках про кота подобных стыков целых два: «большой пестрый кот», «с трудом лепится». Беглому произнесению никак не поддается и «синтаксический стык» — следовавшие один за другим деепричастие и причастие / «подстерегая целующих-

ся»/. В целом, как нетрудно убедиться, важная для поэта предпоследняя строфа произносится много медленнее, чем, скажем, третья строфа.

Характерная особенность стихотворения «Она пришла с мороза...»- мягкость, плавность линий, отсутствие нажима, жесткости. Вызвано это тем, что действие стихотворения происходит в атмосфере, насыщенной многими чертами гармонии. Так и с Волоховой, явно развенчивая ее, Блок вместе с тем тайно через гармонию, как бы вновь возвышает ее...

Элементов гармонической организации стихотворения значительно больше, чем я отметил вначале. Полный их анализ, возможно, под силу только структуралистам. Но на некоторых наиболее важных я остановлюсь. Первая строка «Она пришла с мороза...»- метрическая /ямб/, благозвучно и сочетание ударных гласных /аао/. В третьей строке «наполнила комнату» не только созвучие гласных, но и согласных / лнл мн/ , к тому же строка метрична / амфибрахий/. В строке «ароматом воздуха и духов» внутренняя рифма /здух — дух/. Созвучиями ударных гласных «прошиты» и некоторые другие строки — «толстый том художественного журнала»/оооа/, «и сейчас же стало казаться» /ааа/, «внимательно смотрит в окно» /аоо/. Немало можно было бы найти и созвучий согласных.

Я и сам с удивлением обнаружил, что в стихотворении так много метрических строк, одиннадцать из двадцати шести, а еще две строки к метрическим можно отнести условно. Перечислю метрические строки /слева

порядковый номер строки, а справа, после обозначения размера в скобках количество стоп/.

- 1 Она пришла с мороза
ямб /3/
3 Наполнила комнату
амфибрахий /2/
5 Звонким голосом
хорей /3/
9 Толстый том художественного журнала
хорей /6/
12 Очень мало места
хорей /3/
13 Все это было немножко досадно
дактиль /4/
14 И довольно нелепо
анapest /2/
15 Впрочем, она захотела
дактиль /3/
16 Чтобы я читал ей вслух «Макбета»
хорей /4/
17 Едва дойдя до пузырей земли
ямб /5/
20 И внимательно смотрит в окно
анapest /3/

Есть еще две короткие строки, состоящие всего из одного слова — «раскрасневшаяся» и «болтовней», которые в зависимости от контекста, от интонационной инерции, могут быть произнесены и как хорей и как

анapest. В данном случае вне поля нашего зрения остались строки дольникового типа — с добавочным безударным слогом или же с пропуском безударного слога в метрической сетке.

Но метрические строки, поскольку они не составляют большинства, а главное потому, что они очень разношерстны, то двухсложны, то трехсложны, разной стопности и т. п., не играют в стихотворении той роли, что в каноническом стихе. Зарождающаяся в стихотворении интонация разговорности подчиняет и эти строки своим законам, метрические строки нигде не скандируются. Впрочем, многие из них вряд ли кого-либо и тянуло бы скандировать, «поэтическими» по видению мира из них можно назвать только три-четыре / «она пришла с мороза», «наполнила комнату», «звонким голосом», в какой-то мере также «и внимательно смотрит в окно». Строки же типа «толстый том художественного журнала», «очень мало места», «все это было немножко досадно» настолько принижены по содержанию, что словно сами отрекаются от притязаний на «высокую» метрическую поэтичность.

Роль метрических строк в стихотворении особая — не воспринимаясь сознанием, они на уровне подсознания создают скрытый глубинный гармонический фон.

Как мы видим, больше всего метрических строк в середине стихотворения, шесть строк подряд /с 12-й по 17 / здесь метрические. Но инерции метрического интонирования не возникает и здесь — разные размеры взаимно «аннигилируют» друг друга, к тому же строки эти по содержанию наиболее проходные в стихотворении.

Предназначение этих строк, а прежде всего третьей строфы, в стихотворении весьма своеобразное. Чтобы нагляднее его понять, произведем небольшой эксперимент. Бумагой или рукой на минуту закрываем первые три строфы и начинаем читать с четвертой. «Да это же совсем другое стихотворение!» — невольно восклицает каждый. Действительно, вместо сыплющегося жемчуга первых двух строф перед нами длинные, громоздкие строки.

Так вот, третья строфа выполняет роль своеобразного мостика для плавного перехода от одной части стихотворения к другой, она в своем роде рычаг переключения скоростей. Характер ее двойственный — по интонационной инерции она воспринимается как продолжение второй строфы, а по возрастанию прозаического начала в содержании она подготавливает заключительные строфы.

Если не гармонизации стихотворения, то во всяком случае упорядочению ее организации служит еще один момент — количество ударений в строке. В двадцати одной строке из двадцати шести /более трех четвертей! / — три или четыре ударения. Что же касается последних трех строф, то они исключительно трех- или четырехударны /4-4-4-3 4-4-3 3-3-4/. Таким образом, и чисто тоническое начало, наряду с метрическим, становится немаловажным формообразующим элементом в стихотворении.

И еще одну, может быть, спорную мысль хотелось бы высказать — о первой строке стихотворения. Когда читатель раскрывает книгу и читает:

Она пришла с мороза...,-

у него невольно возникает представление, что и произведение в целом будет написано трехстопным ямбом. Последующими строками поэт рассеивает эту иллюзию. Но воспоминание о возможной ямбической структуре остается в памяти, возникает «игра» двух моделей — верлибровой и метрической, которая обостряет восприятие особенностей поэтики верлибра, и которая в данном случае осложняется элементами гармонии в самой верлибровой форме.

А последняя строфа, не забыл ли я о ней ? Нет, не забыл, вот она.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

Последняя строфа в стихотворении наиболее загадочна и совершенно не поддается бесспорной, однозначной трактовке. Весь вопрос в том, что важнее в ней, вторая или третья строка, на какую из них делать упор? По всему, что мы знаем по подтексту, по широкому контексту — на третью. Но грамматический союз «и» не зря называется соединительным. Мне представляется, что для поэта одинаково важны были обе строки, воплощающие две стороны жизни в их неразрывном единстве.

Прямых доказательств сказанному мной нет, но есть некоторые ориентиры для мысли. В последней

строке поэт не случайно упомянул Паоло Малатеста и Франческу да Римини. В трагической истории возлюбленных, очень сочувственно рассказанной Данте / «Божественная комедия» /, все разительно отличается от того, что мы видим в стихотворении. Их объединила, зажгла в них любовь — книга. И души их, неразлучные и в страдании, и после смерти продолжают любить, остаются верны друг другу.

Трагическая судьба несчастных Паоло и Франчески имеет для поэта такое значение, что становится нравственным критерием, на основании которого он выносит приговор своему веку:

...прошли времена Паоло и Франчески.

Как первая, так и эта заключительная строка бросает свой ответ на все стихотворение в целом.

А вот еще одно свидетельство, на этот раз принадлежащее самому Блоку. Годом раньше, в стихотворении «Они читают стихи» он писал:

Но для меня неразделимы
С тобою — ночь и мгла реки,
И застывающие дымы
И рифм веселых огоньки.

Здесь мы находим еще одно неоспоримое доказательство того, что для поэта превыше всего были единство, неразрывность мира, гармония любви и поэзии, жизни и культуры.

В начале марта 1908 года, примерно через месяц после написания стихотворения «Она пришла с мороза...», Блок и Волохова окончательно расстались.

А еще через несколько месяцев, в ноябре 1908 года, в последнем стихотворении, связанном с именем Волоховой, Блок писал:

...Теперь проходит предо мной
Твоя развенчанная тень...
С благоволеньем ? Иль с укором ?
Иль ненавидя, мстя, скорбя ?
Иль хочешь быть мне приговором ?
Не знаю: я забыл тебя.

«Развенчанная тень»- цитата из стихотворения Пушкина «Наполеон»...

Итак, мы убедились, что в этом простом на вид стихотворении неизмеримо больше различного рода подводных течений, чем можно было предположить. По сути дела, перед нами философское стихотворение, хотя и облеченное в непритязательную, едва ли не шутиливую форму.

Стихотворение Блока «Она пришла с мороза...» прекрасно и уникально. Возможно, сегодня оно с его полифоничностью, с его скрытой, глубинной гармонией и стоит несколько в стороне от основного направления поисков верлибристов. Но оно непременно понадобится завтра. И поэтому мы с полным основанием можем сказать, что стихотворение Блока устремлено в будущее.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕРЛИБРЕ

Верлибр — «это вспышка при сближении сердца с миром»

Канонический стих и верлибр — это два различных типа поэтического мышления... Объективно говоря, они дополняют друг друга.

Канонический стих создал удивительные по совершенству средства для передачи прежде всего человеческих чувств. Мысль в нем занимает значительное место, но в целом все же находится в тени. Художественная энергия в каноническом стихе более или менее равномерно распределяется между «звуковой материей» (метром, рифмой, музыкальной напевностью), с одной стороны, и тематическим содержанием, с другой.

Но постепенно стиховая система, сросшаяся со стилистикой и кругом образов определенного литературного направления, начинает изнашиваться, слово в ней перестает «задевать» читателя, возникают «тромбы»

литературной условности. И тогда напряженная поэтическая мысль и обостренное видение мира, которым становится тесно в оболочке существующего фонове-мантического параллелизма, «взрывают» его и открыто выходят на авансцену. Такова наиболее общая схема возникновения верлибра, хотя конкретные причины обращения того или иного поэта к верлибру каждый раз индивидуальны и неповторимы.

Вспоминая о работе Николая Рыленкова над верлибром «Думая о матери», его жена Евгения Антоновна позже рассказывала: «До этого (в 1957 году) было написано стихотворение «Я помню руки матери моей». Однако оно не до конца удовлетворило автора, так как получилось, по его мнению, несколько отвлеченным, о матери вообще, а ему нужно было рассказать именно о своей матери, о своих чувствах к ней. Он долго бился, пробовал разные размеры, но остался неудовлетворен, так как получилось обобщенно, недостаточно истинно. Наконец, очень обрадовался, когда обратился к верлибру — стиховой форме, из-за внешней близости к прозе лишенной малейшего налета ложной поэтичности.

В статье «О нерифмованных стихах с нерегулярными ритмами» Бертольд Брехт так объяснил причины своей приверженности к верлибру: «Очень регулярные ритмы оказывают на меня неприятно убаюкивающее, усыпляющее действие, подобно очень регулярным шумам (падающие на крышу капли, гудение моторов), впадаешь в своего рода транс... В столь неприятном мне мечтательном настроении, которое навевают регулярные ритмы, мир мысли играл своеобразную роль: воз-

никали скорее ассоциации, чем настоящие мысли; мысль словно плыла по волнам, и если человек хотел думать, ему всегда надо было сперва вырваться из все сглаживающего, упорядочивающего настроения».

Если уместно хотя бы немного сказать о себе, то отмечу, что одной из главных причин моего прихода к верлибру в начале 60-х годов стала неудовлетворенность однообразием поэзии тех лет, почти целиком состоявшей из кирпичиков четверостиший, к тому же чаще всего весьма «усредненных» по содержанию. Пейзаж поэзии разительнo напоминал унылую равнину, сплошь усеянную совершенно одинаковыми серыми блочными зданиями, хотелось яркой праздничности. Ранние мои верлибры — буквально фейерверки метафор.

«Без условной поэтичности. Но с безусловной поэтичностью»- эти слова известного переводчика Ивана Кашкина хорошо передают сущность верлибра как поэтической системы. Центр тяжести в верлибре резко перемещается в область содержания, именно там сосредоточена основная художественная энергия стихотворения. Стержнем, несущей конструкцией в верлибре становится сама поэтическая мысль, настолько значительная, истинная, такого высокого накала, что перестает нуждаться во внешних прикрасах и подпорках.

А формой выражения этого концентрированного содержания является интонация. На смену декламационному пафосу канонического стиха в верлибре приходит предельно естественная интонация разговорной речи.. Верлибр стремится к тому, чтобы в стихотворении

без всяких помех и отвлекающих факторов звучал живой человеческий голос, чтобы возникла атмосфера непринужденной, доверительной, задушевной беседы.

В каноническом стихе поэт, «сын гармонии», который единственно слышит музыку мира, всегда в той или иной степени слывет личностью исключительной, он отделен от читателя если не пропастью, то непреодолимой чертой. Отличительная особенность верлибра состоит в том, что он снимает всякую дистанцию между поэтом и читателем. Поэт в верлибре — прежде всего собеседник. И что очень важно — это разговор равных, в этом еще одно свидетельство демократизма верлибра.

В тебе, читатель, трепещет жизнь,
гордость,
любовь, —
как и во мне.
Поэтому для тебя эти мои песни.
(Уолт Уитмен)

Большое искусство, скрывающееся за внешней безыскусностью интонации, заключается в том, что каждому из тысяч читателей кажется, будто поэт со своим словом обращается именно к нему. В стихах великих поэтов такая интонация способна обретать поистине магическую силу. Например, в стихотворении Уолта Уитмена «Тебе»:

Кто бы ты ни был, я руку тебе на
плечо возлагаю, чтобы

ты стал моей песней,
И я тихо шепчу тебе на ухо:
«Многих женщин и
многих мужчин я любил, но тебя
я люблю больше всех».

Долго я мешкал вдали от тебя,
долго я был как немой,
Мне бы давно поспешить к тебе,
Мне бы только о тебе и твердить,
тебя одного воспевать.
Я покину все, я пойду и
воздам гимны тебе,
Никто не понял тебя,
Я один понимаю тебя...
(перевод Корнея Чуковского)

Главное воздействие на читателя в верлибре оказывает личность поэта. Верлибр создает такой могучий канал связи, что читатель, буквально, физически ощущает токи щедрости, доброты, интеллектуальной энергии, исходящие от поэта, слышит его дыхание, видит его жесты. Поэт в такой степени находится рядом с читателем, что от него ничего не утаишь, он сразу же чувствует малейшую фальшь. Как писал самый великий и самый последовательный из верлибристов:

Нет, это не книга. Камерадо,
Тронь ее и тронешь человека...
(Уолт Уитмен)

Именно поэтому работу над стихом поэт должен начать со своей личности.. «Верлибр — это экзамен личности, широты и глубины взглядов...», - верно заметил латышский поэт Ояр Вациетис. В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого все здание будет построено на песке. Но выражается оно не в виде моральных сентенций или призывов, а через высоту нравственного идеала.

Интонация верлибра, при кажущейся ее бесхитрости, явление очень сложное. При более внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что внутри самой формы верлибра действует еще один важнейший источник динамизма, генератор энергии — это графика стиха. Именно она, по воле поэта расчленяющая текст на стихотворные строки и межстиховые паузы, помимо синтаксического вносит в верлибр еще одно «изменение» — стиховое, что и лежит в основе резонансных явлений в общении с читателем... Что же касается пауз, которых в поэзии примерно вдвое больше, чем в прозе, то на их значение обратил внимание Андрей Белый, писавший: «...интервал — потенциальная энергия строки».

Хороший верлибр всегда содержит в себе некую тайну. Возьмем, к пример, эту миниатюру Германа Лукьянова:

Человек,
идуший по той стороне улицы,
прогуливает, как собаку,
собственную тень.

Здесь нет ни слова об одиночестве, но поэт каким-то непостижимым образом (всего в четырех строках!) сумел дать нам почувствовать, что человек, о котором речь, давно одинок. Более того — безнадежно одинок...

я встретил двух маленьких близнецов
и хотя они были совершенно одинаковы
посмотрел на меня
только один

Это стихотворение Ивана Ахметьева, на первый взгляд, кажется всего лишь симпатичной зарисовкой. Но если вдуматься, убедимся, что свои потаенные глубины, тайны есть и здесь. И связаны они в этот раз прежде всего с тайнами человеческой сущности, которую невозможно до конца познать. А тем более — управлять ею...

Кстати, интересные философские и лирические миниатюры сегодня не редкость. Помимо упоминавшихся выше авторов мы находим их в творчестве таких разных поэтов, как Владимир Бурич, Карен Джангиров, Роман Хе, Арсений Седугин, Алексей Ольгин, Аркадий Герциг, Олег Мишин... и список этот легко можно было бы продолжить. Буквально на наших глазах начинается складываться устойчивая традиция короткого (иногда даже сверхкороткого) верлибра, что представляется мне одним из самых примечательных явлений в русском верлибре последних двух — трех десятилетий.

Испытав на себе влияние некоторых элементов поэтики японских хайку и танка, наша верлибровая

миниатюра, вместе с тем, не утратила свой голос, свою самобытность. Короткий верлибр — очень трудная поэтическая форма. И радует то, что заметно расширился круг поэтов, умеющих остро видеть мир, по-настоящему работать над меткой, емкой деталью, над предельной точностью слова. Внушает это и оптимизм относительно дальнейших перспектив развития нашего верлибра... (Что касается длинного, верлибра, отставшего после «рывка» короткого стиха, то новое дыхание, на мой взгляд, он обретет тогда, когда в его художественную ткань шире войдут речевая мелодика и пластика слова).

Устойчивый читательский интерес к верлибру ясно свидетельствует о том, что он содержит в себе некие «витамины», «минеральные вещества», которые читатель не находит в каноническом стихе. Более того, есть не малые основания полагать, что верлибр каким-то образом затрагивает сам «нерв» современного мировосприятия.

На мой взгляд, верлибр привлекает читателя прежде всего тем, что открывает ему целые пласты нетрадиционной культуры, вводит его в мощное силовое поле крупной, напряженной оригинальной поэтической мысли, обостренного видения мира. Но верлибр обладает еще одним, поистине удивительным качеством — способностью с молниеносной скоростью сближать, объединять самые, казалось бы, отдаленные пласты, полюсы существования, что придает ему колоссальную обобщенность, емкость. Поэтому верлибр и может передать читателю мгно-

венное обжигающее чувство причастности ко всему в мире — и к человечеству, и к природе, и к красоте, и к вечности...

Для современного верлибра с его резким сочетанием малого и глобального весьма характерно стихотворение безвременно скончавшегося томского поэта Михаила Орлова «А если хорошенько посмотреть»:

Откуда взлетают бомбардировщики?
Вой. Дрожь. Старт.
Колеса несущие бегут
по широкой бетонной равнине,
по бетонной пустыне,
по бескрайнему полю
твоего сердца, приятель!
Вот откуда взлетают
бомбардировщики!
Из твоего сердца. Да.
Из пустыни твоего сердца.

Несомненно, верлибр с его обнаженной правдой и доверительной интонацией может многое сделать для того, чтобы заполнить нравственный вакуум, образовавшийся в сердцах.

В наше время все больше начинают понимать, что кажущаяся безбрежность свободы в верлибре — обманчива, что на деле это исключительно сложная поэтическая форма, много сложнее канонического стиха. Взаимоотношения свободы и необходимости в верлибре не отменяются, а видоизменяются, поднимаются на

иной уровень. Отказ от таких важнейших формообразующих элементов канонического стиха, как метр, рифма, музыкальная напевность, верлибр должен компенсировать, с одной стороны, повышенным накалом содержания, а с другой — жестким самоограничением, дисциплиной. Глубоко прав Ояр Вацietис, писавший: «...в классическом стихотворении опытный мастер на проверенной лодочке размера и рифмы счастливо пробирается к финишу с балластом трех-пяти слов. Верлибр этого не терпит, он сразу превращается в прозу, и притом скверную.»

Верлибристу нужно обладать также тонким вкусом, развитым композиционным чутьем, абсолютным слухом во всем, что касается меры.. Всего не перечислишь...

Несколько упрощая, можно было бы утверждать, что предмет изображения канонического стиха — сфера чувства-мысли с преобладанием чувства. А предмет изображения верлибра — прежде всего сфера мысли-чувства с преобладанием мысли.

С точки зрения внутренней логики канонического стиха я был не прав, в начале заметок объявив «звуковую материю» (метр, рифму, музыкальную напевность) только явлением формы. Нет, в каноническом стихе она — неотъемлемая часть содержания. Так как только посредством ее и возможно передать живую плоть, живое течение, истинную напряженность чувства. Точно так же неотъемлемой частью самого содержания верлибра становится и непосредственная интонация разговорной речи в нем.

Верлибр — это
«вспышка
при сближении
сердца
с миром».

Так кто же из нас прав, Алексей Ольгин, предложивший это поэтическое определение верлибра, или я не раз утверждавший, что в основе верлибра лежит поэтическая мысль? Как это ни странно, правы мы оба, хотя каждый по-своему.

В верлибре мы находим немало стихотворений, открыто расцвеченных чувством, и все же не они доминируют в стихотворной форме. На мой взгляд, роль чувств в верлибре чаще всего можно было бы характеризовать как приглушенную, подспудную, внешне малоприметную.

Но на деле эти глубинные чувства имеют исключительно важное значение, так как прочнее всех остальных факторов скрепляют стихи, а главное — изнутри согревают их. Прекрати они хотя бы на миг свое существование, тут же воцарилась бы температура, близкая к абсолютному нулю. К счастью этого не происходит. Вместе с тем, именно чувство — первичный импульс, первотолчок, и чуть перефразируя слова Алексея Ольгина — «первовспышка» возникновения верлибра.

«Очарованный страшиком» г. Ярославль

Настоящая поэзия существует малозаметно

*Из интервью в газете «Сегодня»
О.Зайцев 1994 N4*

-Арво Антониович, вы в поэзии уже не один десяток лет. На ваших глазах разворачивался поэтический бум 60-х годов.. Сегодня же многие настойчиво говорят о кризисе русской поэзии...

— Действительно, поэзия сегодня не в фаворе. Причем судьбы тех, кто, как я, пишет свободным языком, и тех, кто пишет стихом рифмованным, не слишком отличаются. Дело в том, что поэзия сейчас почти изолирована от читателя. И это очень прискорбно, потому что поэзия всегда напоминает людям о том, что существуют какие-то высокие ценности.

Когда мы идем по улице, обычно смотрим под ноги или о чем-то думаем и только изредка замечаем, что есть небо. Точно так же мы забываем о вечных ценностях, о добре, о красоте, — об этом заботится искусство. Искусство как бы обрызгивает человека живой водой. А мы сейчас все какие-то понурые. Поэтому очень жаль, что роль поэзии в настоящее время сильно занижена. Однако встречи с читателями хоть и редкие у меня все же бывают: недавно была встреча в музее Маяковского, вечер верлибристов в литературном музее. Такие контакты дают надежду, видишь, что поэзия еще нужна. Но поэзия все-таки удел немногих, она не для больших стадионов.. То, что было в 60-х, тоже ненормальное положение. Я думаю, что в конце концов наступит время, когда поэзия займет свою естественную нишу.. Найдутся издательства, которые будут издавать поэзию тиражами 1000-5000 экземпляров, больше и не стоит, разве что в исключительных случаях.

— Но кризис связан не только с издательской деятельностью, но и с какими-то процессами в самой поэтической среде.

— Возможно, это связано и с мировоззренческим кризисом. В общественной жизни в последние годы произошли стремительные перемены, в поэзии же за это время мало что изменилось. Это обстоятельство, видимо, и порождает разговоры о кризисе. Но все-таки нужно сделать одну существенную оговорку —

речь здесь может идти только о той поэзии, которая печатается.. Я по собственному опыту знаю, в какой степени обедняют, нивелируют публикации, особенно журнальные, действительную картину литературной жизни. Многим талантливым людям сейчас совершенно негде печататься. И мы не знаем, какие стихи у них лежат в письменных столах. Может быть, такие вещи, которые тут же опрокинут все разговоры о кризисе поэзии. Вместе с тем , думается, за этими разговорами стоят и некоторые и реальные процессы. Я имею в виду стремление определенной части поэтов выйти за пределы традиционного, примелькавшегося круга тем и выразительных средств. И поэтому я смотрю в будущее с оптимизмом. Как-то один из редакторов сказал, что в России только ленивый не найдет хороших стихов. Вообще настоящая поэзия, такая, например, как у Тютчева или Баратынского, существует малозаметно. Она накапливает свое богатство постепенно, обнаруживается со временем, Тютчева по-настоящему открыли только в XX веке..

—Из современных поэтов кто-то обладает по-вашему, столь же высоким потенциалом?

—Поэты, которых я больше всего любил, не так давно от нас ушли... Это Давид Самойлов и Арсений Тарковский.... Сейчас их уровня я не вижу, хотя хороших поэтов много.. Я думаю, происходит качественное накопление, и как раз свободный стих может много дать современной поэзии, потому что традици-

онный рифмованный стих по мере своего повседневного существования постепенно изнашивается, и слово в нем начинает тускнеть, терять свое значение. В свободном стихе образ, мысль, слово звучат как-то резче, нет отвлекающих моментов, таких, как напевность, рифма. Поэтому свободный стих дает большие возможности для философской мысли. Формой свободного стиха фактически является интонация. Хороший поэт может довести ее почти до магической силы и сделать прямым каналом связи между собой и читателем.

— Борхес однажды заметил, что писателей сейчас много, а читателей ни одного...

— Недавно был вечер поэзии журнала «Арион» в литературном музее, там среди слушателей были в основном те, кто уже напечатался в журнале, или те, кто собирается в нем печататься. Но такие вечера тоже нужны, потому что сейчас поэты существуют очень разрозненно, нет единой поэтической среды, и такие вечера в какой-то мере компенсируют ее отсутствие.

— Насколько я знаю, в период работы в «Новом мире» вы отвечали на письма начинающих поэтов. Вам удалось кому-то из них помочь?

— С 81 по 91 год я работал в отделе поэзии литконсультантом. Я всегда старался отыскать ростки хорошего, но мне редко удавалось кому-нибудь помочь.

Скорее я был неким буфером. Я беседовал с молодыми поэтами, передавал их стихи начальству, но как правило, их не печатали. В номере всего 600-700 строк поэзии. Для существующего количества поэтов этого было очень мало. Естественно, предпочтение отдавали именитым авторам. Правда, кажется, в 1988 году была молодежная подборка, которую составил Олег Чухонцев.. В ней было несколько поэтов, которых порекомендовал я*.

— Молодым поэтам более, чем поэтам вашего поколения, свойственно ироничное отношение к жизни. Ирония звучит у них даже в лирических стихах. На ваш взгляд, совместимы лирика и ирония?

— В свое время, это было году в 86-87-м, я с большим интересом относился к иронической поэзии, она тогда помогала разрушать всякие догмы и стереотипы. Но потом я стал замечать, что такая поэзия только разрушает и ничего не создает. Вообще все зависит от того, есть ли у человека какой-то положительный идеал. А лирика со слегка ироническим оттенком, конечно, возможна.

*А.А. Метс не упомянул здесь о 33 авторах, стихи которых он, будучи литконсультантом «Нового мира», собрал и передал в «Антологию русского верлибра», где они и были напечатаны, а стихи Е. Полюхова, присланные самотеком в «Новый мир», А.А. Метс, составив из них три подборки, передал в журналы «Арион», «Дружбу народов» и в газету «Очарованный странник», где они также увидели свет.

— *В ваших стихах мало социальной тематики, но иногда она все же звучит. В 1968 году вы писали:*

Разрывы бомб
в далеком Вьетнаме
аукнуться здесь
уродством лиц,
зданий,
вещей.

Сейчас эти строки, к сожалению, стали еще более актуальными...

— Взрывная волна доходила тогда издалека, теперь она где-то совсем за стеной. У меня есть стихотворение, которое называется «Время»

Воздух
все густеет
и превращается в свинец.

Положение поэта всегда двойственно: он должен помнить о том, что происходит вокруг, но в то же время не превращаться в обыкновенного репортера, это не его функция.

— *Вы эстонец и, видимо, очень тяжело переживали отделение прибалтийских государств от России.*

— Одно из стихотворений того периода звучит так:

Мою маму
я на земле
уже никогда не встречу.
Какие страшные слова...

А могила —
за крепким замком границы...

— Какая культура питает вас больше, русская или эстонская?

— Мне говорили, что мои верлибры — это сплав трех начал, трех культур: помимо русской и эстонской, это еще японская поэзия — хокку и танка.. Там многое дается штрихом, одной деталью, но эта деталь, которая может заполнить весь мир и даже выйти за его пределы. Я тоже по возможности стремлюсь к тому же.

Кроме того, стихотворения в японской поэзии — камушки, из которых складывается мозаика, какое-то большее единство, философия. Это тоже мне очень близко. Из японских поэтов наибольшее влияние оказал на меня Басе. Одно время его томик был моей настольной книгой. Из русских писателей это прежде всего Чехов и Лев Толстой. Но в последнее время я все больше прихожу к позднему Пушкину. А на эстонской культуре я вырос. И самое сильное влияние на меня оказал Антон Тамсааре, это действительно великий писатель, я думаю, он по уровню не ниже Голсуорси, например. К сожалению, он очень плохо переведен на русский язык, Кроме того, он влюблен в землю, земле-

дельческий труд, а эта тема в России близка очень немногим, поэтому он не получил здесь такого звучания, какое мог бы.

— *Как вы считаете, существует принципиальная возможность перевода поэзии на другие языки?*

— Это квадратура круга. Иногда то, что поэтично на одном языке, мало выразительно на другом, поэтому переводчик, как стеклодув, должен наполнить стихи своим дыханием.

В России традиционно рассматривают творчество поэта в контексте его судьбы. Вы тоже писали об этом:

Я и сам не знаю,
как меня,
парня из эстонской глуши,
настигла судьба
русского поэта

...Со всеми
вытекающими последствиями.

— *«Вытекающие последствия» в биографиях многих русских поэтов были весьма трагичными. Может ли в принципе судьба поэта быть благополучной?*

— Поэт живет по иным законам, он прежде всего

должен быть ориентирован на высокие эстетические идеалы, поэтому он так или иначе приходит к конфликту с действительностью. И каждый поэт этот конфликт разрешает по-своему. А в России, кроме того, всегда было еще много политических причин, которые осложняли жизнь... Есть судьбы, которые складываются удачно, но удачная судьба тоже содержит некоторые коварные моменты. Поэтому такой взлет, как, например, у Евтушенко, таит в себе и будущий внутренний поэтический крах. В принципе, за каждое по настоящему хорошее стихотворение приходится страдать, до или после... У Уитмена есть мысль о том, что нужно любить землю, солнце, людей и сомневаться в том, что вам говорят в школе, в газетах, и тогда вы сами превращаетесь в лучшее в мире произведение.

— Это почти соответствует дзэнскому понятию «художник жизни».

— Вряд ли Уитмен знал дзен. Одно время я очень увлекался дзэн, но сейчас все-таки иду к Евангелию. Потому что Евангелие убеждает в том, что круговорот насилия порочен и его нужно пытаться преодолевать добром.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРВО МЕТС — СУДЬБА, ПОЭЗИЯ

Биографический очерк

Арво Метс родился в 1937 году в Таллине. Но вся его творческая жизнь прошла в России. Мать родом из Таллина, лютеранка, отец — из пригорода Пярну, православный; к моменту рождения сына, несмотря на свой молодой возраст, он уже волостной староста. Арво крещен в православие.

Русского языка в семье никто не знал. Арво самостоятельно изучил русский язык. В юности получал премии по шахматной композиции, посылая свои задачи в газеты на русском языке.

Поступил в Библиотечный институт в Ленинграде, который окончил с отличием.

После института Арво работал библиографом в библиотеках Пярну, Тарту и в Комсомольске-на-Амуре. Первые стихи Арво писал на эстонском и на русском, впоследствии только на русском.

В 1965 году поступает в Москве в Литературный

институт им. Горького. Сергей Наровчатов в тот год набирал себе в семинар талантливых поэтов (Арво Метс, Юрий Кузнецов и др.). И хотя Арво писал верлибры, что тогда не поощрялось, он был принят в институт, который тоже окончил с отличием.

Знания и любовь к русской литературе оценил профессор Литинститута М.П.Еремин. На экзамене он не только поставил отлично, но встал и поклонился Арво.

После института аспирантура, написана диссертация. Три главы: «Свободный стих как поэтическая система», «Свободный стих в русской и эстонской поэзии», «Эстонский свободный стих в переводах на русский язык».

Однако диссертацию защищать не стал, отказался от переделок. По одной главе написана статья (Арво Метс «О свободном стихе», «Писатель и жизнь» изд. Московского Университета, 1978г.) Параллельно шла работа над переводами с эстонского.

После института Сергей Наровчатов, главный редактор журнала «Новый мир» пригласил Арво на работу в журнал. Арво стал редактором публицистического отдела. Первой работой его как редактора была статья Домбровского о Пушкине. Впоследствии Арво перешел в поэтический отдел. В общей сложности Арво проработал в «Новом мире» 16 лет (с 1975 по 1991 год).

Мы с Арво познакомились в студии «Музыка», которую вел Виталий Белецкий. Студия была интересна тем, что в 1965 году это первая попытка проводить нестандартные музыкальные концерты. Союз различных искусств: поэзия, живопись, музыка. Друзья по студии случайно дали мне почитать стихи поэта из Эстонии, который пишет на русском языке, учится на первом курсе Литинститута. Стихи меня так поразили, что все они были переписаны в тетрадь. Познакомились мы в 1965 году, поженились в 71. Путь был и короткий (стихи поразили сразу), и длинный — два раза расставались, но судьба вела нас друг к другу. Случайно в огромной Москве оба раза встретились. Последний раз — чтобы не расставаться. На двадцать шесть лет....

Одно из первых стихотворений, которое я прочла, так до сих пор и неопубликованное (не решался его напечатать все эти годы), это «Троица» Рублева.

Беспричинная нежность
разлита в фигурах,
которую часто
в себе узнаю.

Вы, ангелы, тоже
наверное, поэты?
И вам кроме музыки
ничего не нужно?

Стихотворение покорило. Я в то время ездила по разным городам, чтобы увидеть замечательные Рублевские фрески — Звенигород, Владимир. И вот стихотворение, в котором нежность, мягкая линия овала его праведников во Владимире и «Троицы» ожили и стали синеглазым поэтом, который поступил на первый курс Литературного института и вот, живой ходит во плоти по Москве. А пишу я это уже сейчас, когда вся наша жизнь вместе, позади. Она вся в стихах, хотя стихи не о том..., но и о том тоже...

В 1970 году в Таллине выходит первая книга стихов «Осенние прогулки», небольшая изящно оформленная.

Сергей Наровчатов пишет в предисловии:

«О чем же сами стихи? О солнце, о девушках. О веснах и осенях, о счастье и печали — обо всем, что сыздавна составляло предмет поэзии. Но все стихи проникнуты такой человечностью и добротой, такой верой в лучшее, что они передают свой нравственный заряд читателю и сообщают ему эти хорошие чувства. Точность языка, свежесть образов и лаконизм мысли — изъяснения отличают поэзию А. Метса. А это действительно поэзия. «Больше всего люблю тебя босую...»

Книга была встречена доброжелательно. Особенно порадовало письмо Арсения Тарковского в от-

вет на посланную книгу.

В 1972 году дискуссия в «Вопросах литературы», которую организывает и открывает Арво Метс. «От чего не свободен свободный стих». Среди участников: Сергей Наровчатов, Владимир Бурич, Расул Рза, Ояр Вацietис, Борис Слуцкий, Арсений Тарковский, Вячеслав Куприянов, Давид Самойлов.

В 1973 году родился сын Антон. Арво очень хотел сына. Младший, Константин, родится в 77 году.

В 1973 году выходит вторая книга в Москве «Исчезаю в весне». В том же году Арво принимают в Союз Писателей. Успешные выступления в Доме Литераторов. Собственные стихи, переводы.

Переводы были в большой степени продолжением его творчества. Все стихи он переводил не по заказу, а только те, что перекликались с его творчеством или интересовали по мысли. Работал над ними несколько лет, бережно, кропотливо. Пытается напечатать их в Эстонии. Переводы попадают к некоей г-же В. Рубер (переводчице прозы!), которая «ничтоже сумняшившись», выискивает все несовпадения с подстрочником и пишет убийственную рецензию...

Некоторые переводы вошли в его книгу «Таллинские камни», но лишь небольшая часть. К своим стихам всегда относился чрезвычайно стро-

го и вообще считал: «В рукопись не нужно включать абсолютно все лучшие стихи. Рукопись будет хорошей тогда, когда возникает напряжение между стихами вошедшими и невошедшими. Если же стараться включить все мало-мальски приличное, то это приводит к затуханию поля. Для достижения единства некоторые противоречащие стихи приходится безжалостно отсекаать. В стихах главное это внутренний мир, который стоит за стихами». Записала со слов Арво, в статьях он об этом не упоминал.

Арво не замыкался только на своих стихах. Не говорю даже о его страсти собирать домашнюю библиотеку. Я имею в виду его работу с молодыми поэтами. Его дар составителя сборников. От «Нового мира» он ездил на стройку Камского автозавода (КАМАЗ), после чего появился сборник поэтов «Лебеди над Челнами».

Большую работу ведет Арво в организованной им студии «На Таганке». С 1984 по 1989 год в студии проводились вечера поэзии. Выступали и именитые поэты, но в основном молодежь. Объединенные подборки стихов появляются в печати.

В эти годы Арво написал статью о поэте Николае Тряпкине. Ездил к нему, слушал песни в его собственном исполнении (он пел свои стихи). К сожалению, эта статья так и не увидела свет.

Из присланных в «Новый мир» стихов Евгения Понтюхова (живет в Орловской области) составил несколько подборок, передал их в «Дружбу народов», «Орион», в «Антологию русского верлибра», где они были напечатаны. (Книга Понтюхова с предисловием Арво Метса вышла в 2003 году).

Одна из существенных работ его — это составление сборника стихов поэта Владимира Боброва. Из каких-то от руки написанных клочков, просто вороха разного формата листочков, перепечатывая, выстраивая, собрал рукопись. Написал предисловие — издали книгу — «Спасибо, жизнь», родился поэт, при жизни не напечатавший ни одного стихотворения, стихи в основном военных лет, но не только. После смерти кое-что было опубликовано в альманахе. Поэт интересный, со своим взглядом и на войну, и на послевоенное время.

Работая в «Новом мире» Арво, отбирал из почты журнала стихи заинтересовавших его авторов. Его заботами 33 поэта попали в «Антологию русского верлибра».

Его внимательность и доброта распространялась не только на людей, на все живое, и надо сказать, животные отвечали Арво взаимностью.

«На пустыре
то и дело

возникают отрешенные фигуры
гуляющих с собаками.
Спасибо вам, псы,
выволакивающим
нас из суеты».

Он обладал способностью сострадать. Тема безденежного человека занимала его в разные годы. Безденежье, как нечто неестественное, жестокое. «Все видят, у безденежного человека голубые глаза — это не помогает». Поэт как бы взывает к людям: «Посмотрите перед вами живой человек. Это такое чудо. Он может погибнуть без денег...» Сам он взял за правило — когда получал какой-нибудь гонорар, обязательно поделиться с неимущими.

Последние десять лет Арво были очень сложными. Совпало все, изменение обстановки в стране, болезнь матери Арво. Отделение Эстонии, смерть матери, «а могила за крепким замком границы».

И все-таки держались с Божьей помощью. Главное мы были вместе. Дети нас поддерживали и морально, и подрабатывали грузчиками в булочной, учась в институте. Не потеряли способность радоваться жизни, и отмечать праздники. Путешествовали на велосипедах и, что особенно радовало, ездили на месяц или два в «Мещерскую сторону», в Рязанскую область, село Былино, где забы-

вали о печалях, поражаясь красоте близкого неба - «какие крупные здесь звезды и какие они живые...», березовой рощи, золотых полей с синими васильками, замечательной речушки с обрывистыми берегами и омутами. Рыбная ловля, белые грибы, запах сена и, по соседству в четырех километрах по чудесной дороге через поле и рощи наши милые друзья, которые и помогли нам выбраться в эти края.

Любила и поддерживала нас, пока была жива, моя бабушка Зоя, (урожденная Филатова, племянница Н.Ф.Филатова – профессора Московского университета, одного из основоположников педиатрии в России) которая воспитывала меня до пяти лет. Бабушка, знала чуть ли не всего Пушкина наизусть. Это о ней в стихотворении «Две старушки» «Весела, легка, как солнечный лучик».

В последние годы Арво был занят «Антологией русской поэзии» 50 лет XX столетия с 41 по 91 годы «Неугасимый свет». Проводил много времени в библиотеках, выписывал стихи, дома перепечатывал, опять в библиотеках проверял. Много было накоплено в течение всей поэтической жизни.

Неоценимую помощь в подборе материала оказывал его друг студенческой поры Владимир Смирнов, ныне профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века в Литературном инс-

титуте. Позже зарубежная русская поэзия появилась на прилавках, а тогда приходилось собирать стихи по крупицам. Собраны две толстые папки стихов (еще столько же отсеянных в процессе работы). Камертоном к антологии, думаю, служит стихотворение «Мужество» Ахматовой, которая открывает антологию. (Книга ждет издателя).

Все же в то время у Арво выходят три книги стихов: одна в 1989 году «Таллинские камни», включающая в себя и переводы. Наиболее полная — в 1992 году — «Годовые кольца» и небольшая книжечка в 1997г., включающая в себя, кроме выборочных стихов разных лет непосредственно раздел «В осенних лесах», по которому названа книга, отражающий последний период творчества.

В 1989 году на 1 Международном фестивале верлибра он получил Первую премию. В дальнейшем участвовал в фестивалях в качестве члена жюри. В 1996 году стал лауреатом Лесковской премии.

Большую радость принесло творческое общение с поэтами и исполнителями песен Александром Васиным, Валентином Белецким и ребятами из поэтической студии Центра Авторского Творчества. Арво познакомился с ними в день 50-летия Победы. В этой студии в последний год жизни Арво в день рождения прошел его юбилей.

Стихи Арво переводились на многие языки ми-

ра. Ф. Романов в книге «Март» пишет: «Кто-то уже прочел эти ставшие для нас откровением строки на испанском, немецком, польском, украинском, грузинском, литовском, даже на сербо-хорватском и хинди... На мой взгляд, поэзия Метса уникальна. Его верлибры продолжают самые сокровенные традиции русской лирики»...

Несколько слов о стихах Арво. Творчество Арво, думаю, можно условно разделить на пять периодов. Первый период — метафоричность, живописность. Христианское, может быть, еще неосознанное мироощущение. Святые отцы учат, что тот, с кем Бог, всегда радостен.

«Исчезаю в весне,
в толпе,
в лужах,
в синеве.
И не ищите.
Мне так хорошо...»

Поэт хорошо себя чувствует в этом мире. Мир и поэт одно целое. Все взаимосвязано, и связи не порваны. Радость бытия. «Ливень солнца...»

Второй период городской (условно):

«Здесь поют городские соловьи —
визжат пронзительно тормоза...»

«Личность мгновенна
на улицах города
подобно вспышке магния.»

— «Вечный двигатель...» В стихотворении необычный ракурс, сквозь легкую иронию взгляд проникает во времена.

Второму периоду присущи сомнения, дисгармония («визжат пронзительно тормоза»),

«Как я чувствую естественность...
И как я далек от нее...
Десятки связей порвались
между взглядом и словом,
словом и делом,
желанием и исполнением».

Но приходит и избавление от холодов, от дисгармонии. «Вот уже кончается мой ледниковый период...», «В июльских травах...»

Во время работы в публицистическом отделе поэзия Арво Метса временно замолкает. Вероятно, это несовместимые сферы деятельности. После ухода из публицистики обрел свой поэтический дар только через пару лет. И вдохновила его русская природа. Поездка на лето с детьми в Рязанскую область, в село Былино.

«Какие крупные здесь звезды.
И какие они живые...»,
«Та березовая роща
спасала меня своим светом...».

Муза вернулась к поэту. Но приходят трудные времена.

Третий период совпал со временем перестройки. Потеря работы, распад Советского Союза «Эстония моя маленькая...» Стихотворение написано в предчувствии разрыва. Распад Союза Писателей на два союза. Разделение людей по разным признакам — по национальности, по политическим взглядам и пр. Все враждуют со всеми. «Где вы мои безмятежные годы...?» — восклицает поэт с горечью. Появляется целый цикл стихов. Стилистика стихов этого периода совершенно не похожа на поэзию предыдущих периодов.

«Толпой,
с перекошенными лицами,
работая локтями,
ринулись все
приобщиться
к злобе дня.

Как каторжник
к тачке

мы цепью прикованы
к злобе времени».

Четвертый период непосредственно примыкает к предыдущему. Поэт делает окончательный выбор. Он с теми, кого в то время модно было презирать. Обездоленные люди для него не парии. «В переходе...». В каком-то смысле идет внутренний спор с теми, кто потребительски относится к русской культуре, кто не проникается ее духом православной культуры, для кого Россия – «эта страна». Для кого «слово» ничего не значит.

«В начале было Слово...» Христианское мироощущение в юности, и сознательный приход Арво к Евангелию в зрелые годы. «Потому, что Евангелие убеждает в том, что круговорот насилия порочен, и его нужно пытаться преодолевать добром», — говорит Арво в те годы корреспонденту газеты.

Крещение ли в православном храме, которое вело всю жизнь Арво к его судьбе, природная ли тяга к добру — «молитвенное служение поэзии», но «судьба русского поэта настигла внезапно, вдруг», — пишет рецензент книги «Годовые кольца» Сергей Федякин в статье «Нищ и светел». Приходят «прозрения по-русски».

«Рублевская синь
просвет в темных тучах...»,

Последний пятый период. Работа над «Антологией русской поэзии второй половины XX века «Неугасимый свет»... Слух утончается.

«В осенних лесах
душа
так тиха.

И слышит
свой голос
заглушенный веком».

Глаза видят невидимое. Молитва за Россию, за людей, за близких. Преображение мира. «Золотые купола...» Душа светла. Трепетное отношение ко всему живому. Мир опять целен. Жизнь это Божий дар.

«Благодарю Тебя,
Боже,
за еще один день.

За этот сад,
весь залитый солнцем».

Есть темы, которые проходят через все творчество Арво. В стихах много раздумий об ушедших поколениях, о цели жизни. – «Трудиться...» Смысл жизни, что остается от человека, когда он уходит. Зачем

он приходил? «Мы уезжаем, а в саду так же таинственно продолжают наливаться яблоки.» «Цель жизни в жизни? Или кто-то собирает золотые зерна?»

«Копать землю,
устав,
поднять голову
и замереть
перед красотой
золотой березы –
в этом, вероятно и есть
предназначение человека».

И одно из незавершенных:

«Незадолго до кончины
отец,
превозмогая боль,
тщательно расставил
дрова в сарае.
...Последнее,
что он успел сделать
для гармонии мира».

Создание гармонии на земле всеми доступными способами...?

Живописность поэзии Арво. Буйство красок.
Музыка.

«Перебираю свое богатство –
капельки росы,
играющие всеми красками радуги».

«... А где-то внутри
по тихим углам –
кристаллы музыки».

Именно в русской музыке возникло направление «интонации» (Даргомыжский, Мусорский). Интонационный свободный стих, думаю, для русского уха тоже не чужероден. Об интонации в свободном стихе Арво говорил еще в 1972 году на дискуссии в «Вопросах литературы»...

«Отталкиваясь от литературной условности, свободный стих находит новые средства выразительности в обнаженной правде, в истинности и подлинной поэтичности содержания, в свободной, естественной, ничем не скованной человеческой интонации».

Особенное место в его творчестве занимает любовь. Отношение к девушке. Любовная лирика, Любовь не только к женщине, любовь к ребенку, к людям, окружающим поэта, к природе.

Тонкое отношение к девушке, можно сказать, трепетное. Восхищение таким созданием, как девушка. Целомудренное отношение к девушке. «Девушки

гораздо тоньше поэтов...» Все эти девушки в стихах радуют, трогают.

«Вечерами девушки
шли на танцплощадку,
перепрыгивая через канавы,
туфельки бережно неся
в ладонях
словно капельки счастья».

«Сентиментальность в его стихах почти всегда сопровождается иронией. Но не злой, а мягкой, чуть грустной... Пример тому — отличная миниатюра «Молодые девушки», — пишет Сергей Наровчатов в предисловии к первой книге.

Арво тонкий поэт лирик. Иногда о любви не сказано ни одного слова.

«Нет огня.
Ты спишь.
Или не спишь...
Утром следов не найдешь.
Остались под снегом».

Мы понимаем — стихотворение о любимой. Одно из лучших стихотворений «Больше всего люблю тебя босую...» отмечал Сергей Наровчатов как истинную поэзию.

«Золотое облачко
поплыло
мимо окна.
Засветлили
все стены комнаты.

На крылечке –
женушка моя»,

«Умею ли я
ценить
каждый миг
счастья
быть с тобой
и с детишками?»

Жена, дети, пеленки. Редко, кто из поэтов находит в этом вдохновение. Но поэт философски осмысливает мир.

«Вешая пеленки
на балконе
вдруг останавливаешься,
ошеломленный мирозданием.
У кончиков пальцев
мерцает звезда».

И опять вольная или невольная тайная цитата.
Звезда приводит к младенцу.

«В голубой коляске
лежит он
с соской.
В тихих глазах
отражаются небо
и птицы,
плывущие высоко.
Наклонившись,
я вдруг увидел
самого себя –
в стареньком пальто».

Это удивительно, но стихотворение написано до
рождения наших детей. Прозрение в будущее...?
Вообще, синь, цвет неба притягивал его.

«Синий и белый февраль...
Я не знаю сам,
почему иду к березе
и смотрю вверх,
в небо.
Стою и стою...»

Когда Арво болел, он всегда смотрел на небо,

просил не загораживать небо. Помню, как прилетел белый голубь и несколько дней кружил по небу перед окном, помню грустные глаза больного Арво, следящего за полетом голубя, освещенного солнцем. Летал, пока Арво не выздоровел. Наверное, это было чудо!

Совершенно особенное отношение поэта к Андрею Рублеву. Стихотворение «Троица» Рублева, о котором говорила в начале заметок, написано до 1965 года. Через пару лет после 1000-летия крещения на Руси появляется тема Рублева как надежда.

Рублевская синь
просвет
в темных тучах.

Ру...си
свет
Уу

Душа
вновь узрит
лазурность
и необъятность
небосвода
Руси.

у
у
усь
сь
с
Руси

В этом стихотворении ярко проявляется звучание слов. Ру-у-сь синь. Почти в каждой строке слышится отзвук слова **Русь**. Рублевская синь — Ру-

си Само слово «синь» звучит как высокий звенящий звук «дзинь», уходящий в небо. Летящая пауза, глубина синевы, лазурности и постепенное понижение голоса на весь возможный диапазон к долгому низкому звуку «у-у-у». «Необъятность небосвода Руууси». Расширение небосвода ощущается зримо. Вот оно гудение колоколов, наполняющее небосвод, идущее ввысь.

В XIX веке Достоевский, пытаясь примирить два враждующих лагеря (моралистов и эстетов: для одних Некрасов не поэт, для других — Фет не поэт) в своих статьях объединял эти направления «художественностью».

Действительно без художественности пользы не может быть (так утверждал Достоевский), но художественность во вред, все же бывает. Арво Метс уточняет. Главное — «Высота нравственного идеала». В поэзии и Фета, и Некрасова присутствует эта высота идеала. Противоречия нет.

«В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого все здание будет построено на песке. Но выражается оно не в виде моральных сентенций или призывов, а через высоту нравственного идеала».

Как-то Арво сказал, что искусство призвано напоминать нам о Боге. Это и та отзывчивость на все-

мирную литературу, о которой говорил Достоевский. Русский человек всегда чувствует правду и стремится к полноте истины. И произведения других народов, в которых присутствует Бог, начинает считать как бы своими родными. Роман «Дон Кихот», который автор задумывал как сатиру на рыцарство, героем своим Дон Кихотом ожил и повел автора к «Божией правде». «Ржавая кольчуга Дон Кихота...»

Свободный стих несет в себе два начала — поэтическое видение мира и философское осмысление его. В своих лучших стихах Арво Метсу удается достичь единства этих двух начал. «Молодые девушки», «В старом деревянном доме...», «Вешая пеленки...», «Таинственный неба чертеж...», многие его молитвенные стихи, стихи о назначении человека, о смысле жизни. Блок не случайно в одном из своих философских стихотворений «Когда вы стоите на моем пути...» о двойственной роли поэта, о жизни, прибегает именно к форме свободного стиха. Арво разбирает это стихотворение в своей статье «Размышляя о верлибре».

В статье «Символы красоты у русских писателей» Иннокентий Анненский рассматривает взаимодействие с красотой Пушкина, Лермонтова, Гоголя,

Тургенева, Достоевского, Толстого. Если посмотреть отношение Арво к красоте, то Арво с красотой в ладу. Она не давит на него, не пугает, не завораживает. Он не считает ее «вызовом», не видит в ней «греха», не считает своей «добычей». Он любит красоту. Даже размышления о красоте не разрушают красоту «Хочу смыть твою красоту. ... Когда появляешься — ты прекрасна».

Может быть, ответ в том, что красоту Арво видит в гармонии мира. Красота, не приносящая радость душе, отталкивает. (Из неизданных):

«Ноги —
одно загляденье,
а внутри
сердца,
железные
и глухие».

Статья Арво Метса «Размышляя о верлибре» о двух верлибрах Блока, написанных в один день, проливает свет на его собственное отношение к красоте. Сложные взаимоотношения Александра Блока с Н.Волоховой. Блок развенчивает в конце концов, этот так его мучивший образ. Арво видит одну из причин развенчания в несовпадении внутреннего мира Блока с героиней многих его произведений, отсут-

тствие духовной связи, которая была у Паоло и Франчески («Она пришла с мороза...»). Он приходит к такому выводу через другое стихотворение «Они читают стихи...»:

«Но для меня неразделимы
С тобою — ночь и мгла реки
И застывающие дымы
И рифм веселых огоньки».

«Здесь мы находим еще одно (первое доказательство Арво делает из разбора стихотворения «Она пришла с мороза...») неоспоримое доказательство того, что для поэта превыше всего были **единство, неразрывность мира. Гармония любви и поэзии, жизни и культуры**». Все это очень важно для самого Арво.

При этом он считал, что отношение к самой культуре должно быть нравственным. В этом он в корне расходился с теми поэтами, писателями, которые относились к русской культуре потребительски. Он вел внутренний спор с теми, кто использовал русскую культуру, не проникаясь ею, и при этом не любили ни страну, ни людей. Я не знаю, кого конкретно имел в виду Арво в стихотворении «Глядя на поздние обезьяньи выверты именитых по-

этов...», но тяжело было видеть отступничество от русской литературы, культуры многих писателей, поэтов всегда именовавших себя «русскими писателями», тяжело было читать их высказывания о людях погибших в 93 году. Тяжело видеть в рекламе стареющую поэтессу (все это не вязалось со стихами, с «образом лирической героини» ее стихов — ну ладно бы от нищеты...).

Сам Арво стал русским поэтом внезапно, вдруг «судьба настигла его», когда все вокруг открещивались от этого высокого «звания».

«Я и сам не знаю,
как меня
парня из эстонской глуши,
настигла судьба
русского поэта.

...Со всеми
вытекающими последствиями».

Хочу остановиться на отношении Арво к А.С.Пушкину. Он неизменно брал с собой на лето том поздних стихов Пушкина. Письма Пушкина перечитывал неоднократно. Думаю, что восприятие Пушкина у Арво было, сродни Блоковскому «Наша память хранит с малолетства веселое имя Пушкин...

легкое имя Пушкин..., несмотря на то, что роль поэта не легкая и не веселая, она трагическая».

«Пушкин —
это когда
после долгих странствий
возвратился домой.

Пушкин —
это когда
дышится легко».

Стихи о Пушкине. Всего их набралось прямо обращенных к Пушкину пять, а, сколько связано косвенно с судьбой поэта. Возникла подборка, двадцать восемь стихотворений «Судьба русского поэта». Собрала ее в 1998 году я, когда думала о судьбе Арво.

Хорошо известны слова Пушкина:

«Тьмы низких истин мне дороже
нас возвышающий обман...»,

но редко вспоминают строки, которые идут за этими. Именно их дважды отчеркнул Арво в томе Пушкина.

«Оставь герою сердце...что же
он будет без него? Тиран...»

Сердце, сердечность поэзии Арво. «И чувства добрые я лирой пробуждал» для Арво не были пустым звуком.

Неизданные стихи — это отдельная глава жизни Арво. Трагическое в его поэзии, преодоление дисгармонии. Праведные труды. Естественный аскетизм и в ранних стихах

«Куда я вас приглашу?
в келью мою...»,

«Нам ли слава нужна...» Аскетизм в поэзии, аскетизм в жизни «А много ли человеку нужно?...», аскетизм в слововыражении — способность с помощью нескольких слов, несущих в себе концентрированную энергию, донести до читателя чувство, мысль, а то и целый мир поэта. Думаю, в данном случае уместно будет привести слова Гоголя, так как они как нельзя лучше определяют поэзию Арво Метса: «...все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают все».

Путь его был светел. Стремление к духовной чистоте. Стихотворение «В старом деревянном доме» начал писать в молодости действительно в деревянном доме, окончательный вариант пришел через многие годы в Москве: «...хочу получить грамм чистого будущего».

Очищение мира через преображение, с Божьей помощью. «Золотые купола...», «Очиститься бы...».

Очистить стекло, промыть. «Свежее незамутненное видение мира...». Вернуться к сути, увидеть смысл явления. Увидеть осознать, претворить в слова. Постигать истину. Серафим Саровский говорил, что цель молитв не сама молитва, а стяжание Святого Духа. Причем, он считал, что и мирской человек может в этом преуспеть. Большая репродукция «Троицы» Рублева всегда висела в комнате Арво. Эта одухотворенность, теплота, лиризм присущи поэзии Арво Метса, лучшим его стихам.

Счастливый смех ребенка колокольчиком отзывается в душе, когда читаешь:

«В июльских травах
еле мелькают
наши головы.

И звонко хохочет
мой малыш».

Рождается молитва за Россию.

«Пречистая
Божья Матерь,

излей Твой
небесный елей
на гнойные раны
России!»

Арво всегда держал себя очень строго. Был немногословен. Из заоблачных высот сам себя опускал на землю. Не разрешал забывать о самом главном. «После поэтов, не любящих простоты, я хочу — к ее истокам».

Арво не убивал своей поэзией аромат цветка. Он продлевал его...

«Кто-то спасет наше лицо,
соберет соль слез,
золотую пыль улыбок...»

«А цветы
нужно нести домой
в своей душе».

Неуловимость момента прекрасного, трепетность жизни. Его душа вмещает богатый мир, который мы слышим, видим, чувствуем в его стихах. И это главное.

08.01.2000г.

Н. Метс

Арво Метс
НЕВИДИМАЯ СКРИПКА

Учился когда-то в Литературном институте странный поэт Арво Метс, озабоченный проблемой русского верлибра. И его даже не выгнали, в отличие от Геннадия Айги, за «странность», даже поддерживали и более-менее издавали. И сегодня нельзя не вспомнить этого энтузиаста. В прошлом году я представлял в Германии составленную мной антологию русского свободного стиха, несколько расплывчато названную издателем строкой из Валерия Липневича: «Куда идет тополь в мае?» Я убедился: из всех стихов всего живее воспринимались миниатюры Арво Метса.

К своей последней малюсенькой книжке «В осенних лесах» (1997) он еще успел написать вступление: «В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого все здание будет пост-

роено на песке». Но мы еще вернемся к художественным воззрениям Арво Метса.

Арво Метс (1937 — 1997) был спокойный, выдержанный человек, типичный эстонец. Переводил эстонских поэтов. Что-то взял у них: краткость, сдержанность прибалтийских красок, но и — стремление обновить свой поэтический язык, которым для него был — русский. Насколько его верлибр идет от эстонского, должны были бы исследовать критики — его соотечественники. Мне кажется, что даже подражания японским хайку возникли у Метса благодаря увлечению ими в эстонской лирике 60-х — 70-х годов. И не от мелодики ли эстонского языка его «тоска по дактилю», как он сам с неожиданной наивностью пытался в своих статьях определить свободный стих? Русский свободный стих. Ибо писал он по-русски и носил в себе страсть революционного преобразования русской поэтики. И сам изумлялся:

Я и сам не знаю,
как меня,
парня из эстонской глуши,
настигла судьба
русского поэта.

...Со всеми
вытекающими последствиями.

Георгий Резниченко, работавший когда-то с Арво Метсом в редакции еще знаменитого «Нового мира», во вступлении к его сборнику «Годовые кольца», вышедшему в 1992-м, обнажает, видимо, одно из этих «вытекающих последствий»: «Будем открытвенны: поэту не на что жить».

А ведь позади была далеко не безуспешная борьба за русский свободный стих. Были «Осенние прогулки» (1970), между прочим, первый сборник верлибров в нашей новейшей истории.

В те годы вовсю балаганила «эстрадная» поэзия. За что-то боролись, то ли за свободу, то ли за неевклидову геометрию, что-то ниспровергали, то ли Сталина в мавзолее и за его пределами, то ли Ленина на деньгах. На фоне всенародного признания происходило государственное приручение буйных поэтов. Верлибра не было видно. Он произрастал если не в подполье, то в подвале. «Крысы — голуби подвалов», — писал «непечатный» Владимир Бурич, любимым поэтом которого был бунтарь Маяковский. Также «непечатный» Иван Шапко эпатировал недоступного ему советского читателя буддийскими аллюзиями или предвосхищал еще неизвестного нам экзистенциалиста-христианина Киркегора:

Это я доносчик Богу
на себя и людей

Однако даже не отвлекаясь на подозрительный смысл и более чем отсутствие рифмы, возмущались отсутствием пунктуации: такое мы не печатаем! Это против духа русского языка.

У Арво Метса в этом смысле все, как нам тогда казалось, было достаточно традиционно и правильно. Он был чистый лирик! Нам же представлялось, что верлибр более объективен, нежели обычный силлабо-тонический стих, ориентированный на пение и скандирование. А тут — сплошная субъективность, лирический субъект вполне уравновешен собственным «я». «Исчезаю в весне». «Я — дух созерцания». «Я добрый», правда, — «такого живо слопают». «Я помню из детства / запах земли...» «Я маленький...» Все это чувства, а не претензия мысли на образ, все это просто (а мы готовы были увидеть в его стихах «упрощение» — нам хотелось усложнения, совмещения более удаленных смыслов...) Буричу не хватало у Метса ироничности, отрешенности от навязанных нам будней, а чуть заметной праздничности в его стихах он не замечал. Бурич стремился связать чувство узлом афоризма, мне тоже хотелось вязать речь из «узлов», а здесь какая-то вышивка гладью...

Мой скептицизм поколебал академик Ю.В.Рожественский, принявший безоговорочно стихи Метса

за их непосредственную поэтичность, не требуя от них никаких излишеств пафоса. Я не мог не поверить его филологическому чутью.

Я понял, что Метса стоит перечитывать. Тогда появляются открытия:

...Я не тот, кого мир ждет,
но помогаю ему
открывать свинцовые двери.

Это уже понимание своей мимолетной («Личность мгновенна...») жизни как миссии, как незаметного, но высокого все же подвига. В его миниатюрах, где он бескорыстно любит старую настольную лампой, осенней листвой, красивой девушкой — но и бездомной собакой, и обнищавшим музыкантом в гастрономе, — вдруг просыпается китайское понимание культуры: ведь культура по-китайски именно — любованье, в отличие от нашего латинского «возделывания». Сейчас, когда жесткость, «крутизна», откровенный аморализм становятся стилем как жизни, так и вектором цивилизации (намеренно не говорю — культуры), доброта и человечность Метса приобретают особую цену.

С годами — и это можно заметить — радостного, восторженного Метса время загоняло в более трезвый и горький фокус жизни. Ранний Метс:

«Ливень солнца!», «Мы встали в длинную очередь / за счастьем», «Мне так хорошо», «Счастливы женщины, / носящие в себе будущее!», «У кончиков пальцев / мерцает звезда»; поздний: «Где вы, / мои безмятежные годы...», «мы цепью прикованы / к злобе времени», «Страшнейшая из осад — / осада нищеты», «железные звезды, / жестокие и глухие» и —

Годовые кольца
все большее
врезаются в душу.

А в адрес окружающей толпы и вовсе беспощадно:

Бессловесные рабы
во мгновение ока
превратились
в крикливых хамов.

Метсу, надо сказать, помогало его происхождение — недаром его первая книга верлибров вышла в Эстонии. То же и в Москве: ему, как «национальному кадру», было позволено чуть больше, хотя и меньшим тиражом. Тем больше прошел по жизни разрыв времени:

Эстония моя,
маленькая,
за буреломами,
за разливами рек.
Вот-вот отколется
и уплывет
вдаль,

— это написано уже в 90-м году. Впрочем, он от-
зывался не только на свою боль. Вот редкое для
Метса обращение к речевому каламбуру:

Пути цивилизации —
от Нагорной проповеди
к Нагорному Карабаху.

В отличие от В.Бурича и К.Джангирова, Арво
Метс не выступал резко против практики традицион-
ного стиха, а если и отвергал чей-то метод, то по
взгляду на мир (добрый — пренебрежительный), по
художественной философии. Вот его миниатюра
«Поэту» с посвящением — «И.Б.»:

Эти стихи
написаны гипсовой маской
(или голым черепом),
которой все равно
в какой точке глобуса

обитать,
презирая
живых.

(Забавно, как с этим умозаключением перекликаются наблюдения Эдуарда Лимонова: «Иосиф Бродский никогда не бывает в состоянии восторга. Взрывов у него нет. Человек он невеселый. Классик. Бюрократ в поэзии. Бухгалтер поэзии, он подсчитает и впишет в смету все балки, костыли, пилястры, колонны и гвозди мира».)

Бродский не верил в верлибр на русском языке, хотя и сочинил несколько верлибров и, что делает ему честь, еще в 60-е годы поддержал своей внутренней рецензией для журнала «Аврора» питерского верлибриста Геннадия Алексеева. Что же касается стихотворения Метса, в него любопытным образом прокралась и заговорила «маска» из текста Бурича:

Жизнь —
постепенное снятие
масок
до последней
из гипса

Здесь как раз уместно вспомнить Метса — подвижника и теоретика русского верлибра. Прочити-

ровать сохраненные памятью и бумагой его суждения и поступки.

Дискуссия «От чего не свободен свободный стих?» в журнале «Вопросы литературы» появилась в № 2 за 1972 год, а происходила она в редакции под руководством Евгения Осетрова в конце 1971-го. «Я чувствую, что на этой дискуссии может грянуть буря», — так открывал ее Метс, преисполненный пафоса культурной революции. Он охотно согласился с А.Жовтисом, определявшим свободный стих как «метрический взрыв». И в подтверждение приводил Уолта Уитмена: «Если бы среди нас присутствовали астрономы, они сравнили бы его рождение с рождением «суперновы». Впрочем, начав с набата, который должны были услышать даже астрономы, к концу своего доклада взрывом уже не пугал: «Свободный стих вошел в русскую поэзию не «взрывчато», а вливался как бы струйками...» Тут он был прав. Реальных публикаций было мало, редакции от верлибров отмахивались, а если печатали, то жалкими порциями, разбавляя привычными рифмованными стихами.

Проблески надежды забрезжили в конце 80-х. Карен Джангиров выпустил роскошную антологию русского верлибра — «Время Икс», куда наряду с другими избранными 18-ю авторами по справедливости вошли лучшие стихи Арво Метса. Это 1989 год. В

том же году в Калуге прошел первый фестиваль верлибристов, где Арво Метс получил первую премию.

«Закрыл» тему два года спустя тот же Карен Джангиров — выпустив «Антологию русского верлибра», где Метс соседствовал уже с 360-ю авторами. С тех пор монументальная издательская деятельность переродилась в судорожное производство ярких мелочей, и поэзия попала в мало кому интересные мягкие переплеты. За лирику пришла расплата, ударившая по наиболее непрактичным авторам. Метс уже не сочинял, он констатировал:

Заборами
заслонили от нас
небо.

Назревало время нудного постмодернизма, занявшего опустевшее место социалистического реализма. Читатель перекочевал в маргинальные группы с различными нетрадиционными ориентациями. Болезненно ощущалось снижение культурного интереса. На всеобщее свинство откликнулся даже Арво Метс, некогда подчеркнуто аполитичный:

После ваших подлостей
вы навсегда отлучены
от наших улыбок.

На этом фоне о «взрывном» действии свободного стиха не было речи. Его уже никто не запрещал, но и никто не праздновал победы, ибо побеждать было нечего и некого. Не сбылось пророчество Метса: «сильный напор содержания» так и не сломал «плотину старой формы». Новые поэты с упоением продолжали рифмовать, тем более что пародировать отмененную социалистическую литературу следовало ее же методами. Весь этот стиль «молодежной моды» можно было бы даже назвать бунтарски-мелкобуржуазным, но тут мне подворачивается цитата из работы И.Маца «Литература и пролетариат на Западе», которую Метс привел как «ненаучную» в своей статье «О свободном стихе» («Писатель и жизнь», 1978): «Развитие свободного стиха тесно связано с развитием и осуществлением индивидуалистических тенденций буржуазного общества — точнее, с развитием и осуществлением индивидуалистических тенденций мелкой буржуазии» (1927). Будущее покажет, усилят ли «индивидуалистические тенденции» интерес к поэзии вообще, пока как раз наоборот, хотя, возможно, здесь виновата половинчатость реформ, затормозившая появление у нас здорового среднего класса, то есть «мелкой буржуазии». Во всяком случае, «челнокам» не до литературы.

Но вернемся от вульгарной социологии к эволюции взглядов Метса на свободный стих.

В той своей статье 1978 года Метс нащупывает важное определение: «Свободный стих представляет собой качественный скачок — переход от слогового стиля речи к новой стихии — к стихии однозначного слова. Основой, единицей в свободном стихе становится любое значимое слово...» И далее: «Каждое значимое слово в свободном стихе является носителем ударения». Здесь сделан решающий шаг в сторону слова как носителя смысла, а не как фонетического (слогового) объединения.

«Свободный стих — это один из видов деавтоматизации стиха».

И даже: «Свободный стих — это ясно осознанный переход к семантической организации поэтической мысли».

Арво Метс, находя верные посылки, часто как бы стеснялся сделать последний вывод. Но его кропотливая работа по выяснению теоретических нюансов более чем поучительна. Это он организовал одну из первых дискуссий о русском свободном стихе, которая дала возможность высказаться, что называется, противным сторонам, а главное — поставить во всеуслышанье сам вопрос. Как ни странно, в то время (начало 70-х) он был самым «официальным» из нас, и это пошло на общую пользу.

...Такой нежный поэт, а пугал общественность «взрывом» верлибра. Но лирика и правда бывает способна «открывать свинцовые двери». Сомневающимся как бы из вечности доносится скромный вопрос Арво:

...А я
со своей
невидимой скрипкой?

Вот так...

Вячеслав Куприянов

Краткие библиографические сведения

Книги

1.Арво МЕТС «ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ»
Таллин, 1970 г.
2.Арво МЕТС «ИСЧЕЗАЮ В ВЕСНЕ»
Москва, 1973 г.
3.Арво МЕТС «ТАЛЛИНСКИЕ КАМНИ»
Москва 1989 г.
4.Арво МЕТС «ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА»
Москва 1992 г.
5.Арво МЕТС «В ОСЕННИХ ЛЕСАХ»
Москва 1997 г.

Печатался в изданиях: «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Арион», «Литературное обозрение», «Литературная газета», «Очарованный странник». «Московский литератор», альманахи «День поэзии», «Поэзия».

В сборниках свободного стиха «Время икс». «Антология русского верлибра».

В сборнике московских поэтов «Московские зори».

В Антологии «Русская поэзия XX век»

«День поэзии 2001 год»

В «Антологии русского лиризма XX век» и др.

Переводы стихов печатались в испанском, сербском, грузинском, литовском и др. иностранных журналах.

Статьи о свободном стихе публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Новое литературное обозрение», журнале «Писатель и жизнь», 1978 г. изд. Московского Университета, «Арион» и др.

Ждет своего издателя

1. «В осенних лесах» полная рукопись, хронологически отражающая творчество,
(составитель Арво Метс),
3. «В тени одуванчика» антология трехстиший,
верлибр, (составитель Арво Метс),
4. «Судьба русского поэта» сборник стихов,
(составитель Н. Метс),
5. «Неизданные стихи» сборник неопубликованных стихов (составитель Н. Метс),
6. Сборник переводов с эстонского,
(составитель Арво Метс),
7. «Размышляя о верлибре», два стихотворения Блока, статья Арво Метс
8. «Неугасимый свет» антология русской поэзии второй половины XX века
(составитель Арво Метс)

Статьи о поэтах: Мазурине, Н.Тряпкине, Е.Понтюхове.

Стихи Арво Метса переводились на испанский, немецкий, польский, литовский, хинди, грузинский, украинский, сербо-хорватский и др. языки.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие В. П. Смирнов	5
-------------------------------------	---

«В осенних лесах»

Первая тетрадь.

Лирика.

Под окном	14
Забытая дверь	15
«Тихо стрекочут часы...»	15
Весна поэта	16
«Ливень солнца!...»	16
Утро	18

«Больше всего...»	19
«По улице идет женщина...»	19
«Люблю прижаться...»	20
«Я не могу смотреть...»	20
«Тихо уснули сопки...»	22
«На тебе играет листва...»	22
«Вечерами девушки...»	23
Осенние прогулки	23
«Как сладко...»	24
«Люблю уплывать в темноту...»	24
«Страшно, когда на дереве...»	25
«Я слышал...»	25
«Безденежный человек...»	26
«Кто-то прядет...»	27
«Поезд заорал, как маленький ослик...» . . .	27
«Из-за туч...»	28
«Девушки ткут голосами...»	28
«Желтый лист плывет...»	29
«Синий и белый февраль...»	29
В цехе	30

«Утро рабочего дня...»	30
«Человек встает у кассы...»	32
В читальном зале	32
«В голубой коляске...»	33
«Поэт стоит в очереди за вермишелью...»	33
«Молодые девушки ...»	34
«Я помню из детства...»	34
«Трудиться...»	35
«Мне бы нести с собой...»	35
<i>1965 — 1986 Москва</i>	
На эскалаторе	36
«Дома, трамвай...»	37
«После поэтов...»	37
«Весь день...»	38
«В огромном городе...»	38
«Личность мгновенна...»	39
«Здесь поют городские соловьи...»	39
«Я — дух созерцания...»	40
«Могилы сровняются с землей...»	40
«Вечный двигатель...»	42

«Я не умею почти ничего...»	42
«Мигом...»	43
«Девушки гораздо тоньше поэтов...»	43
«Гудение пчел...»	44
«Мы с тобой...»	44
«Мой дед...»	45
Таллинские камни	45
«Озабоченный человек...»	46
«Стипендия в кармане...»	47
«Я не знаю...»	47
«Я влюблен...»	48
«Хочу смыть...»	48
Твои волосы	49
«Как я чувствую естественность...»	49
«Куда я вас приглашу...»	50
«Как три года назад...»	50
«Люди углубляясь...»	52
«Исчезаю в весне...»	52
«Как ласточки...»	53
«А не стать ли мне...»	53

«Когда я иду...»	54
«Этот странный обычай...»	54
«Незримый...»	55
«В поисках поэзии...»	55
«Бухарские аисты...»	56
«Посидев на коврах...»	56
«Моторы...»	57
«Вхожу в Эстонию...»	57
«Доверяю тебе...»	58
«Троллейбусы...»	58
«Храню вас...»	59
«Бездомная собака...»	59
«На пустыре...»	60
«Никогда при жизни...»	60
«Далеко...»	61
«Вешая пеленки...»	61
«Вот уже кончается...»	62
«В июльских травах...»	62
«Золотое облачко...»	63
«Где взять...»	63

«Я добрый...»64
-------------------------	-----

1990 — 1992 Москва. Годовые кольца.

«Толпой...»65
«Чудеса перестройки...»66
«Аж накалилась...»66
«Сиротливо чернеют...»67
Две старушки67
«Страшнейшая из осад...»68
«Заботами...»68
Молитва69
«Маленькое перышко...»69
«Эстония моя маленькая...»70
«Не капли дождя...»70
«А много ли...»71
«Где вы...»71
«Народ наш...»72
«Цивилизация...»72
«Даже и мне...»73
«Какие крупные здесь звезды...»73

«Воздух наполнен...»74
Осень74
«Годовые кольца...»76
«Страна...»76
«Ржавая кольчуга...»77
«После ваших подлостей...»77
«Умею ли я...»78
«Копать землю...»78
«Рублевская синь...»79
«Налетел ветер...»79
«А говорят...»80
«Я и сам не знаю...»80
«Мою маму...»82
«Писать стихи...»82
«Род..."83
Сеятель83
«Можно отнять все...»84
«Внимательно смотреть...»84

1992 — 1996 В осетних лесах

Та далекая роща...»85
«В осенних лесах...»86
«Перебираю свое богатство...»86
«Струна ожидания...»87
«Маленький клен...»87
«Время и пространство...»88
«Солидность...»88
«Как много людей...»89
«По-русски...»89
«В электричке...»90
«Мой дом...»90
«Лето...»91
«Очиститься бы...»91
Памятник92
«Неизъяснимую прелесть...»92
«Мечта...»93
«Отчаянный трепет...»93
«Оранжевый солнечный лучик...»94
Три воспоминания94
«Глядя...»96

«Вспоминаю Эстонию...»	96
«Так же легко бы...»	97
«Аллея золотистых берез...»	97
«Утром после заморозков...»	98
«Есть искусство...»	98
«Ты ведь мечтал...»	100
«Сколько часов...»	100
Время	101
«Как погасить...»	101
«В старом деревянном доме...»	102
«Золотые купола...»	102
«Пречистая...»	103
«Как много...»	103
«Благодарю Тебя...»	104

Вторая тетрадь

Из эстонского верлибра.

Пауль-Эрик Руммо

«Посмотри на ликующего жаворонка!...» . .	106
---	-----

«Вполголоса»	108
«У кого нет собаки...»	109
«ARS SOLARIS»	110
«А чем наш дом не батискаф...»	111
Ты знаешь, милая, что-то задумали...» . . .	112
«На носилках везут...»	112
«бабка вяжет...»	113
«не могу, не могу, не могу, не могу, не могу»	114
Все думая о Лийве	117
«зимнее мелькание...	119

Яан Каплинский

Читая Ду Фу	120
Глаза	121
Из цикла «Песенки двух осеней»	122
«времена надвигаются...»	124
«белый клевер не знает...»	124
«Зря ты старался...»	126
«Я взглянул в окно солнца...»	126
«Вечером когда темнеет...»	127

«под голубыми звездами...»	128
«Я долго искал ключ...»	128
«Идешь в портфеле...»	129
«Восемьдесят лет работал профессор Судзуки...»	129
«Сын открывает глаза...»	130

Вийви Луйк

«Милый, я была не внимательна...»	131
«Продавец песен...»	131
«Подул ветерок...»	132
Шмель	132
«Ты ведь знаешь...»	134

Джонни Б. Изотамм

«Я...»	135
------------------	-----

Тоомас Лийв

«Так уж ей захотелось...»	136
-------------------------------------	-----

Эни Ветемаа

«Маленькая бедная бесконечность...»	137
---	-----

«Одинокое прильнуть...»	138
-----------------------------------	-----

Матс Траат

Вивика	139
Учебник	139
Зимнее воспоминание о лете	140
Сказка	140
Застенчивость	141
Заботы путника	141

Александр Сууман

«Бледная желтизна березы...»	142
«Смех твоих белых зубов...»	143
«Я взял темноту...»	143
«Я нарисовал лес...»	144

Стихотворения разных лет

Стихотворения из книг

(не включенные автором в основное собрание)

«Толкаюсь в сутолоке площадей...»	147
«Как-то я научился узнавать...»	148
«В такой день...»	148
«Девушки, с виду...»	149
«Каждая клетка жива...»	149
«Весь день мы ходим среди людей...»	150
«Обмакиваю свою кисть...»	150
Песчинка	152
«Нам ли слава нужна? ...»	153
«Тебе ведь тесно...»	153
«Вот плечо...»	154
«Тебя несет ко мне...»	154
«В троллейбусе...»	155
«Мы причиняем боль...»	155
«Тополиный пух...»	156
«Иглы сосен...»	156
«Ты придешь...»	157
«Разрывы бомб...»	157
В рабочем общезнании	158

«Пути цивилизации...»	158
---------------------------------	-----

Неизданные стихотворения

«В такие темные вечера...»	160
«Хотите...»	160
«Господи, как я беден...»	161
«Уже начинают создавать...»	161
Октябрь	162
«В магазине «Поэзия»...»	162
«Земля...»	164
«Я маленький...»	164
«Я у мамы...»	165
«Два яблочка...»	165
«Собирая цветы...»	166
«Троица» Рублева	166
«Где взять слова...»	167
«Играют скрипки...»	167
«Камень...»	168
«Поневоле...»	168

«Лилипуты...»	169
«Настоянный на солнце...»	169
«Мы уезжаем...»	170
«Мою седину...»	170
«Березовый лист...»	171
«Облетевшая береза...»	171
«Нужно быть смелым...»	172
«Из моего тощего кошелька...»	172
«Отец...»	173
«Незадолго до кончины...»	173
«Загорелые лица...»	174
«Чем яснее...»	174
«Образ зверя...»	175
«Эти стихи...»	175
«Вечером...»	176
«Какой-то сиротливостью...»	176
«Как редки эти минуты...»	177
«Легчайшее дуновение ветра...»	177
«Сердце...»	178
«Еле слышный...»	178

«Мужчина...»	180
«Две морщины...»	180
«А цветы...»	181
«Пушкин...»	181

Статьи

«Размышляя о верлибре».	184
Два стихотворения А.Блока. <i>Арво Метс</i> . .	186
«Размышления о верлибре.	
Верлибр — «это вспышка при сближении сердца с миром.» <i>Арво Метс</i>	205
«Настоящая поэзия существует малозаметно.» <i>Арво Метс</i> . . .	216
«Арво Метс. Судьба, поэзия». <i>Н. Метс</i> . . .	226
«Арво Метс. Невидимая скрипка».	
<i>В. Куприянов</i>	256

Арво МЕТС

В ОСЕННИХ ЛЕСАХ

Стихи, переводы, статьи

Подписано к печати 21.11.06. Формат 70×90 1/32.
Усл. печ. л. 10,53. Заказ № 5912. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография
«Красный Октябрь»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.

